

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2016 | декабрь

интеллектуальный
диалог



ВЕРДИКТ ЭКСПЕРТОВ

Когда мы принимаем важное решение, то хотели бы слышать мнение людей компетентных, профессионалов – экспертов. Но решения требуются не только по узким специальным вопросам, а и по широким, от воспитания до обустройства города. Думать над ними и давать ответы приходится самим себе в течение всей жизни. В определённом смысле каждый из нас эксперт.

Андрей Зарубин

ЗАРПЛАТЫ ДАЖЕ ВЫРАСТУТ



В проекте федерального бюджета на 2017-2018 годы предусматриваются все необходимые средства для выполнения всех обязательств, которые взяло на себя министерство образования и науки. В том числе есть средства на повышение зарплат, на дополнительные программы развития.

6

Элина Астраханцева

ГОД КИНО ВЫСТРЕЛИЛ



На следующий кинофестиваль мы хотим обязательно пригласить в гости тех кинорежиссёров и продюсеров, чьи фильмы попадут в программу. Такая практика существует у всех достойных кинофестивалей, и нам есть к чему стремиться.

2

Георг Шнайдер

ВСТРЕЧАТЬСЯ, КОГДА ССОРИШЬСЯ



Я постоянно работаю или в России, или с Россией, и это уже четвёртый или пятый кризис в течение последних 20 лет. Проходят два-три года, и снова начинается рост, подъём экономики.

8

Текст _ Анна ГРУЗДЕВА

«Во всех крупных городах Сибири есть свои кинофестивали. А у нас такой мощный край, город с большими культурными традициями! Мы достойны своего настоящего кинопраздника»



Кто покорил Енисей

В этом году в культурной жизни Красноярска случилось масштабное и важное событие — в октябре прошёл I Красноярский международный кинофестиваль. Организаторы не только привезли в город неизвестные широкому зрителю современные российские и зарубежные фильмы, но и решились на интересный шаг — сотрудничество с вузами города.

Мы встретились с режиссёром и директором КрасМКФ Элиной АСТРАХАНЦЕВОЙ, чтобы поговорить о том, зачем городу нужен свой кинофестиваль, почему отечественное кино не всегда находит своего зрителя и какими итогами может похвастать новое кинособытие в Красноярске.

— Как родился фестиваль? Идея появилась внутри сообщества, связанного с кино, или, например, был внешний запрос, от горожан?

— Идея давно витала в воздухе. Кинофестиваль — это событие, которое, во-первых, активно стимулирует кинопроцесс в том месте, где он проходит. Во-вторых, он консолидирует творческие силы — кинорежиссёров, продюсеров, сценаристов, даже журналистов.

Ещё важный момент: сейчас молодёжь, вся поголовно, хочет делать кино. Это связано с тем, что купить хороший фотоаппарат и начать снимать может практически каждый. И вот кто-то снимает, кто-то пишет сценарий, кто-то монтирует, часто всё одновременно. У нас в городе есть самостоятельные киношколы и курсы, при этом катастрофически мало профессионалов, которые бы руководили этим учебным процессом. Потому дебюты красноярцев, которые регулярно появляются в Интернете, далеки от совершенства по всем параметрам. Кинофестиваль даст возможность молодым авторам увидеть лучшие, а главное, разные образцы современного киноискусства, задаст планку, к чему стремиться и что перерастить. Для начинающих это архиважно.

Да и для зрелых кинематографов — единый процесс, и нужно обязательно в нём, что называется, вариться.

— Но консолидация, как я понимаю, это не единственная цель фестиваля?

— Я человек, который застал то удивительное время, когда дети и подростки ходили в кино театры и смотрели новые фильмы, созданные в нашей стране. Мои одноклассники по многу раз смотрели новые кинофильмы. Помню, как ходили на «Пираты 20 века» — мальчики наконец-то увидели советский боевик, девочки были влюблены в киноактёров.

А ещё были кинозалы, где показывали элитарное кино, там собиралась своя тусовка, и можно было посмотреть и КОППОЛУ, и ФЕЛЛИНИ,

и ТАРКОВСКОГО. И это всё существовало в нашем городе.

После перестройки кинопрокат захватили те, кто показывает в основном американское кино. Но мы знаем, что хорошие фильмы снимаются и в Европе, и в России. Более того, в России часть фильмов снимается на наши с вами налоги. Но зритель не видит эти фильмы, они не попадают в прокат. В такой ситуации только на фестивале зрители могут познакомиться с разными картинками, которые существуют вне коммерческого поля. Лично для меня самой первой задачей кинофестиваля было закрыть вот эти лакуны в кинопрокате.

— Получилось достичь намеченных целей?

— Да. В самом начале у меня появилась идея сотрудничества с вузами. У киностудии уже были успешные проекты совместно с СФУ. А когда я узнала, что в Гуманитарном институте готовят специалистов-киноведов, стало понятно, кто будет нашим главным партнёром. Я встретилась с директором Гуманитарного института Денисом Николаевичем ГЕРГИЛЁВЫМ, и мы договорились о сотрудничестве. Позже выяснилось, что и другие вузы готовы и хотят принять участие.

Мы организовали площадку фестиваля в СФУ, в Педагогическом и в Аэрокосмическом университетах. Радовало, что и сотрудники, и студенты вузов-партнёров активно помогали в организации. Преподаватели Гуманитарного института СФУ В. ВАСИЛЕНКО и Е. АВДОНИНА помогли в отборе фильмов, потому что селекция, или отбор фильмов на кинофестивалях — это сложный процесс, требующий участия хороших специалистов. А студенты Аэрокосмического университета были нашими волонтерами и очень помогли на всех этапах кинофестиваля.

В итоге все идеи, которые мы заложили в это большое событие, так или иначе реализовались. Для нас это хороший знак. Мы ведь были первопроходцами. Шли по целине и не знали, чем закончится каждый новый день и новый шаг. Было выматывающе трудно, но интересно, а главное, у нас всё получилось.

— А вы не собирали статистику, сколько было молодых зрителей, сколько зрителей старшего и среднего возраста?

— Я думаю, из-за того, что фестиваль проходил параллельно в трёх вузах, 80% наших зрите-

лей — это молодые. В зале «Киномечта» сидели люди разного возраста — и среднего, и пенсионного. На один показ, помню, приехали люди из соседних районов, они узнали про фестиваль и пришли прямо семьями.

Я уже говорила, что у нас были обсуждения фильмов после каждого показа, очень интересно было наблюдать, как своё впечатление высказывают зрители. У каждого рождаются личные ассоциации и размышления, и люди после показов делились друг с другом. Например, мы показали документальный фильм Евгения ГРИГОРЬЕВА «Напротив левого берега», снятый в Ростове-на-Дону. Фильм состоит из множества новелл молодых авторов.

«И каждый зритель рассказывал, почему ему понравилась та или иная история, а весь фильм — нет, ведь в нём собраны разные киноистории, все они сняты и смонтированы в разной эстетике, и зрителей почему-то это сбивало с толку. А я подумала: «Отличная идея, похожая на «Декамерон» БОКАЧЧО».

— Почему слоганом кинофестиваля стало «Покорение Енисея»?

— Нужно было поддерживать интерес к фестивалю в соцсетях, мы изобретали конкурсы, и один из них был конкурс слоганов. Нам прислали около 60 вариантов. Все слоганы были про кино и все подходили по смыслу. Но в двух из них была прямая отсылка к месту проведения, к нашему городу: «Покорение Енисея» и «Покорение Енисея». Первый про людей, на которых рассчитан наш кинофестиваль. А второй — он про то, как режиссёры и продюсеры символически покоряют реку Енисей, присылая свои фильмы на наш кинофест. И ещё здесь отсылка к 60-м годам, к времени строительства ГЭС. И слоган даёт ассоциацию



с Красноярском. В общем, много «почему именно он». Кстати, его автор в данный момент живёт в Питере.

— **Какие кинофестивали вообще сегодня есть в крае и какую нишу среди них занимает ваш? Пока, наверно, самый популярный Канский кинофестиваль?**

— В крае проходит много разных фестивалей. Но Канский кинофестиваль сейчас забрали в Москву, насколько я знаю, и поэтому многие журналисты спрашивали нас: «Вы делаете свой фестиваль взамен Канского?».

Мы полагаем, что наш кинофестиваль всё же другого уровня. Все фестивали, которые есть в Красноярске, имеют чёткую направленность. Есть Международный фестиваль экранных и медиаискусств, но это ведь про медиа. Есть Назаровский кинофорум, но там показывают чудесные старые фильмы. А вот большого фестиваля современного кино нет — это лагуна, которую мы и восполнили.

Во всех крупных городах Сибири есть свои кинофестивали. А у нас такой мощный край, город с большими культурными традициями! Мы достойны своего настоящего кинопраздника.

— **Чаще всего фестивали делятся на документальные или художественные, анимационные или музыкальные. Ваш соединяет разное кино. Почему так?**

— Понимаете, ограничение по жанрам не отвечает запросам времени. Во-первых, молодёжи интересно смотреть игровое кино. Во-вторых, документалистика в Красноярске имеет большую историю, у нас сильная школа документального кино. Мы взяли и то и другое, ограничились только временем — показываем то, что сделано в течение последних двух лет. Я думаю, мы свою задачу выполнили. У нас шли очень интересные фильмы, острые, поднимающие проблемы, которые интересуют всё российское общество.

— **Можно обрисовать круг этих тем?**

— Меня поразило, что после тщательного отбора у нас в программе оказалось четыре неигровых фильма про космос: два в полном метре и два в коротком. А отбор проходил так: специа-

листы смотрели картины в Екатеринбурге, в Питере, несколько человек работали в Красноярске. Были и профессиональные отборщики, и преподаватели, и журналисты, была даже одна актриса. В итоге получилась достаточно объективная селекция фильмов.

И вдруг выяснилось, что среди отобранных картин — четыре про космос. Почему так? Ответ прост: современный мир и, соответственно, кинорежиссёров волнует тема космоса. Ещё к нам попал игровой молодёжный фильм «Коробка» режиссёра Эдуарда БОРДУКОВА о межнациональных отношениях молодёжи в мегаполисе, очень острый, динамичный. Было несколько фильмов игровых и документальных про инвалидов — тоже запрос времени. Фильм, который получил Гран-при, «Поездка к матери» Михаила КОСЫРЕВА-НЕСТЕРОВА — он вообще вне рамок и границ, он про общечеловеческие ценности.

— **Будут ли фильм «Поездка к матери» показывать на больших экранах?**

— Продюсеры этого фильма — французы. Его точно покажут в Европе, а вот о судьбе в России не знаю. Обычно фильмы, которые ведут «фестивальный образ жизни», не выкладывают в сеть, не показывают по телевидению, пока у них не сложится фестивальная судьба. Они попадают на телевидение только через несколько лет. И поэтому наш кинофестиваль — реальный шанс увидеть множество хороших современных фильмов, которые в ближайшие год-два точно не будут идти в прокате или по ТВ.

— **Каких, на ваш взгляд, в России не хватает механизмов, институций, чтобы авторы фильмов могли найти своего зрителя, показать своё кино?**

— С моей точки зрения, в России нужно перестраивать систему кинопроката — развернуть его к своему кинопроизводителю и к своему зрителю. Прокат не должен быть только бизнесом. Насколько я знаю, во Франции, одной из мировых кинодержав, кинорынок законом защищён от зарубежных фильмов, показывают в основном свои и лимитированно — американские фильмы. Как вы думаете, почему они это делают? Возмож-

но, французы пытаются таким образом сохранить киноотрасль. Понятно, что Голливуд — это кинофабрика, которой невозможно противостоять. Но кинематограф — не только искусство или бизнес, в нём есть большая идеологическая составляющая. Хорошее кино учит патриотизму и многим другим правильным вещам. Я думаю, это серьёзная тема для обсуждения специалистов.

— **Будет ли фестиваль в следующем году, и какого результата хотелось бы достичь?**

— На следующий кинофестиваль мы хотим обязательно пригласить в гости тех кинорежиссёров и продюсеров, чьи фильмы попадут в программу. Такая практика существует у всех достойных кинофестивалей, и нам есть к чему стремиться.

Есть идеи по приглашению известных кинорежиссёров в жюри, в том числе зарубежных. На следующий год уже запланированы мастер-классы по режиссуре и по звукорежиссуре. Молодёжь ещё просит мастер-класс по сценарному искусству. Если получится, сделаем и его.

— << —

Знаете, почему я хочу в следующем году пригласить сюда как можно больше кинематографистов? Потому что такого красивого края больше нигде нет. Я думаю и надеюсь, что некоторые из них, побывав здесь, захотят вернуться и что-нибудь снять на берегах Енисея, в прекрасной тайге, среди наших великолепных гор. Это даст новый импульс нашему городу и краю. Наверное, мы все должны стремиться к этому. Так что ждите, фестиваль точно будет.

— >> —

Мнение

Владимир ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ, сценарист и режиссёр, член жюри КрасМКФ.

Мы узнали у Владимира Кирилловича, что значит такое событие для города, чему должны завидовать те, кто не попал на фестиваль в этом году, и на что должны надеяться те, кто захочет посетить его в следующем.

— **В Красноярске есть интересная локальная история кино, в частности документального, но крупного кинофестиваля никогда не было. Как думаете, почему? И почему сейчас он появился?**

— Да, Красноярск вписал свои страницы в историю кино и отнюдь не локальные по значению. Они — часть истории кино России. Красноярские кинодокументалисты не один десяток раз были удостоены наград отечественных и международных кинофестивалей. К сожалению, Красноярская киностудия, государственное предприятие, была государством же и ликвидирована. Произошло это относительно недавно, в 2008 году. Творчество людей, рассказывающих зрителю о нашем удивительном огромном крае, целый коллектив профессионалов, замечательно делавших своё дело, — всё это развеялось по ветру.

Проведение кинофестиваля инициировалось в годы существования Красноярской киностудии его сотрудниками, но дальше слов дело никогда не шло. Министры культуры, которые периодически сменяли друг друга, ссылались на федеральное подчинение киностудии. Сама концепция кинофестиваля международного уровня им, очевидно, была не знакома. А чего не понимаешь, того ведь и делать не будешь. Ну, и другие причины...

Деньги, конечно же, есть. Проблема не в деньгах, а в управлении. У нас чтобы что-то сделать, надо иметь характер, в чём-то как у Петра I — мощный, смелый, создающий, преодолевающий все препоны! Красноярску точно таких людей не хватает, на всех уровнях. Надо быть ещё и ходяком, просителем — терпеливым, настойчивым, умеющим отбрасывать неудачи.

Но кинофестиваль в Красноярске появился — международный, большой. Для меня это уже удивительное событие. Могу признаться, что я восхищён тем, что сумела сделать Элина Астраханцева со своей командой. Я с удовольствием, насколько мог, помогал, участвовал.

— **Зачем международный кинофестиваль нужен городу?**

— Когда в экономически мощной столице края закрывается киностудия, это очень усиливает запах захолустья. Отвратительный запах. Он легко выкуривает талантливых людей. Они просто собирают манатки и уезжают. Когда появляются такого рода фестивали, запаха становится меньше.

Сегодня пишут, ваяют, снимают — стремятся выразить себя все! Что касается кино, то мы погибаем (иной раз не в шутку думаешь, что уже погибли) не от коррупции и санкций, а от собственного телевизора, от того, что нам каждый день демонстрируют работники голубого экрана.

Встреча с талантливым произведением — это по-прежнему редкость. А что уж говорить про чудо — встречу с гениальным! Как, где, когда в завалившем нас спаме отыскать это живое, редкое, чудное — то, на что не просто не жалко, а необходимо потратить время? Самое лучшее качество крупных кинофестивалей в том, что они концентрируют талантливые фильмы и подносят их зрителям на блюдечке, как изысканные яства. А авторское документальное кино невозможно не любить ещё и за правду.

Фестиваль для профессионалов и для тех, кто только мечтает делать кино — это всегда череда мастер-классов: сиди, смотри, учись. Как зритель я абсолютно удовлетворён прошедшим кинофестивалем. Именно для зрителя он был организован фактически безупречно. Но я знаю и о проблемах внутри. Их много. Фестивалю необходима поддержка.

— **Вы были членом жюри, как вы оцениваете уровень фильмов, которые попали в основную программу?**

— До основного конкурса дошли очень красивые картины. В игровой программе особенно повезло с фильмом Михаила Косырева-Несте-

рова «Поездка к матери». Этот фильм обращён лично к каждому. Удивительный эффект. Личная эмоциональная реакция объединила весь зал, как выяснилось на обсуждении. Режиссёр приехал на закрытие фестиваля. Выступление Михаила — особая тема. Тот, кто не был на этой встрече, пусть завидует. Но не отчаивается. На новых фестивалях будут новые удивительные встречи.

Я обожаю фестивальную кинодокументалистику. Там всегда есть шедевры. То, что берёшь в личную коллекцию, чтобы потом пересматривать. Я уже сказал, что документалистика поражает правдой.

— << —

Когда на фестивале просматриваешь десятки фильмов, снятых разными режиссёрами, то впечатление, что ты заново познаёшь Россию и мир. И оно не обманчивое. За этим тоже надо ходить на кинофестивали.

— >> —

— **Если представить, что фестиваль ждёт долгая и благополучная история, то как он в перспективе может повлиять на культуру Красноярска?**

— Хочется надеяться на долгую и благополучную историю. Если честно, у меня мало сомнений в этом. Не понимать его значение невозможно, делать вид, что не замечаешь его, тоже. Для Красноярска это культурное событие самой высшей пробы.

Фестиваль призван хоть немного, но изменить культурную ситуацию в провинциальном городе. Вырастить зрителя. Не надо ждать, что кто-то делает, не надо жаловаться, что нет того и этого. Надо делать. Я говорю не только о кинофестивале. Любое начинание, которое может изменить нашу жизнь, надо стремиться воплотить. Особенно, я повторяю, это касается небогатой культурной жизни провинции. И здесь надо искать единомышленников.



Текст _ Анна ГРУЗДЕВА

Сибирь. Год исследований

В рамках музейной программы «Гений места. Новое краеведение» Российский фонд культуры второй год подряд проводит Школу исследования и текста — проект по изучению локальной истории XX века с помощью частной памяти. В прошлом году она была на Дальнем Востоке, а в этом году — в Сибири. В течение последнего года преподаватели и кураторы Школы помогали слушателям — местным историкам, краеведам, журналистам, культурологам и просто неравнодушным к истории людям из разных городов Сибири, в работе над их локальными проектами.

Анна ГРУЗДЕВА, журналист «Сибирского форума» и слушатель Школы, спросила некоторых из своих коллег о том, над какими темами они работали весь последний год, какие открытия сделали и с какими сложностями столкнулись как исследователи.

Дневник гимназистки Екатерины ГАЙДУКОВИЧ

«Исследование — это разновидность охоты за микрооткрытиями»

Исследователи: Александр УЛЬВЕРТ, редактор издательского проекта «Сибирский исторический альманах» и Илья КУКЛИНСКИЙ, искусствовед, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея.

Город: Красноярск.

Про что. В основе исследования лежит экспонат из фондов Красноярского краевого краеведческого музея — дневник ученицы красноярской женской гимназии Екатерины Гайдукович, который она вела с февраля 1917 года по февраль 1918 года.

Илья: Самые известные дневники, связанные с культурой и бытом Красноярска, это дневник епископа Никодима (до сих пор не издан полностью), дневник протоиерея Василия Дмитриевича КАСЬЯНОВА (издан в 2012 г.) и воспоминания дневникового характера Ивана Федоровича ПАРФЕНТЬЕВА (будут изданы в конце этого года).

Александр: Что касается дневников периода революции и гражданской войны, то недавно были опубликованы «белые» дневники — прапорщика Петра ЧАЩИНА и штабс-капитана Владимира ЗВЕРЕВА, участника контрреволюционных событий июля 1918 года.

Записи Кати Гайдукович посвящены в первую очередь не фиксации событий, которые потом сочтут историческими, а внутренней работе, самоанализу. Это был период, начавшийся с февраля 1917 года, когда вдруг оказалось, что можно выйти на улицу и очутиться среди массы народа, которая идёт куда-то с флагами, у которой революция, которая радуется, что не стало императора. Это был мощный эмоциональный фон, в котором люди жили весь 1917 год.

Старшеклассники вдруг начинают сознавать себя активной частью общества, они начинают принимать решения, например, отказывать в должности гимназическим преподавателям. Примеряя на себя программы различных партий, Катя находит, что её более всего интересуют анархисты.

Записи Кати — это подробное описание повседневной жизни городской учащейся молодёжи: посещение классов, походы в кинематограф, вечеринки старшеклассниц и учеников землемерного училища, лекции в Доме юношества, пикники с пирожными в городском саду, прогулки по городу.

Илья: Поэтому часть нашей работы — это комментирование дневника. Мы должны ввести читателя в контекст. Обозначить, где находился городской сад, железнодорожное собрание, гимназия, электротехатр и т.д.

Александр: Одно из удовольствий от работы с Катиными записями — это то, что они позволяют совершать маленькие открытия. Установить, что за человек скрывается за инициалами, выяснить, кто такие Констанция Афанасьевна или Валентин Владимирович и что с ними стало за пределами текста.

«Кухня» и сложности. Александр: Мы работаем с машинописной копией дневника, выпол-



ненной дочерью Кати в 1967 году, поэтому не знаем степень достоверности текста. В записях Кати могли оказаться опущенными какие-то события, имена, факты. В какой степени то, что у нас есть на руках, является аутентичным текстом?

Ещё одна сложность — работа по комментированию текста может быть потенциально бесконечной, поэтому важно суметь вовремя остановиться. Завершением может стать задуманная нами публикация дневника Кати Гайдукович в виде книги. Думаю, нам потребуется не меньше года, чтобы приблизиться к этому.

Енисейск. Топография террора

«Я делаю это не потому, что Енисейску скоро будет 400 лет, а просто потому, что этот проект должен быть»

Исследователь: Ирина МОИСЕЕВА, филолог, преподаватель русского языка и культуры речи Енисейского педагогического колледжа.

Город: Енисейск.

Про что. По сути «Топография террора. Енисейск» как часть одноимённого московского проекта — это сайт. Один клик — и читатель знакомится как минимум с 50-ю историями самых разных людей, известных и неизвестных. Главное, что объединяет их — все они с конца 1930-х до середины 1950-х годов отбывали ссылку в Енисейске.

На сайте будет карта города с улицами и отмеченными домами, местами работы, которые связаны с жизнью определённых людей. От топонома читатель сможет перейти по гиперссылке к своеобразной карточке, в которой будет содержаться короткая биография, фотографии, иногда — воспоминания, личное дело, копия обвинения или приговора. Например, в карточке Юрия Борисовича РУМЕРА, физика-теоретика, соратника Льва ЛАНДАУ, будут снимки Учительского института в Енисейске, где он после ссылки продолжил свою научную работу, будут справки и даже стихи.

Какие ещё имена есть в проекте? В те времена по улицам Енисейска развозил воду профессор ЛГУ, историк и этнограф Сергей ДУБРОВСКИЙ. По ночам на судоверфи работал сторожем (а потом поднялся по карьерной лестнице — стал слесарем) человек, возглавлявший ранее военно-воздушную академию Жуковского Александр ТОДОРСКИЙ. Ученица ФАЛЬКА и МАЛЕВИЧА, Ева Павловна ЛЕВИНА-РОЗЕНГОЛЬЦ работала санитаркой, а создатель первых легковых автомобилей Константин ШАРАПОВ просто крутил баранку.

А чего стоил Густав ШПЕТ, философ-полиглот? Местный гэбист говорил: «Я могу открыть у себя филиал Академии наук». В те времена каждый девятый житель Енисейска был ссылкой. Например, в 1952 году в городе было 1010 ссылкой, из них 608 мужчин, 309 женщин и 93 ребёнка.



Для нас важно, что сайт будет открытым, будет пополняться. Мы бы хотели, чтобы читатели могли делиться своей информацией, вносить коррективы, уточнения. Вариаций публичной работы с материалами проекта также может быть много: презентации, выставки...

«Кухня» и сложности. Мне кажется, что сейчас история даёт нам шанс. Пройдёт ещё немного времени, и этот проект будет ещё сложнее реализовывать, потому что уходят люди, которые помнят моих героев, которые общались с ними. Кто-то вспоминает, как работал в одной школе вместе с БУДЁННОЙ-МИХАЙЛОВОЙ, кто-то — свою роль Синички в опере «Морозко», поставленной Е.А. ШВАРЦБУРГОМ, кто-то готов показать шов от аппендицита, вырезанного Кемалем КОЧКАРОВОЙ... Это та повседневность, те нарративы, которые хотелось бы видеть в текстовом слое.

Отправной точкой для работы над проектом стало исследование М. ШУФЛЕДОВИЧ «Политическая ссылка в Красноярском крае в 1940-50-е годы (Енисейский район)». Я узнала, что такое зависть — иметь возможность работать с личными делами, самим интерпретировать факты, события. А я порой чувствую себя иностранным агентом. Кстати, я и сама являюсь уже 10 лет членом красноярского «Мемориала», который тоже не стоит в стороне от проекта, и его помощь в лице Алексея БАБИЯ для меня очень важна. Находятся и добровольные помощники — дети, внуки тех, кто в 30-50 годах отбывал ссылку в Енисейске. Я очень рада неоценимой помощи Эстер КРАВЧИК, Марики ЭРЛИХСОН (Израиль), Джоан ЭФФЕРИКИ — почётного профессора истории из Массачусетса. Ещё недавно я не предполагала о существовании этих людей, а сегодня они расширяют, наполняют информационное пространство проекта. Надеюсь, что скоро обрету добровольных помощников и в лице студентов нашего колледжа.

Космический Красноярск

«Разговор о космосе — это разговор об универсуме, о смысле жизни»

Исследователи: Наталья ГОНИНА, доцент кафедры истории и политологии Красноярского ГАУ и Анна ДВОРЕЦКАЯ, доцент кафедры истории России Гуманитарного института СФУ.

Город: Красноярск

Про что. Анна: «Когда я работала в государственном архиве Красноярского края, мы делали к юбилею полёта ГАГАРИНА в космос выставку и разные мероприятия, связанные с красноярскими достижениями в области космоса; ездили с этим в Железнодорожск. К нам в руки попала уникальная кинохроника местной киностудии о проекте БИОС (экспериментальный комплекс красноярского Института биофизики, моделирующий замкнутую экологическую систему жизнеобеспечения человека с автономным управлением — прим. ред.) и другие материалы, и я с удивлением обнаружила, что не только завод Красмаш, но и научные институты, вузы тесно связаны с космическими программами. Меня как историка заинтересовала эта тема. В советской истории есть даты и события, которые разъединяют людей. А есть ли такие, которые объединяют? Помимо Великой Отечественной войны возникает и тема освоения космического пространства.

Наталья: В нашем проекте три части. Первая рассказывает о визитах ГАГАРИНА в Красноярск и Дивногорск: на строительство ГЭС и на слёт комсомольцев Сибири и Дальнего Востока. На встречах было много людей, которые хранят эти воспоминания как ценность. Например, бывший директор Дивногорского городского музея, зам. директора школы №2 Игорь Геннадьевич ФЁДОРОВ много лет собирал материалы о визите космонавта.

Анна: Когда мы приехали в Дивногорск, Игорь Геннадьевич сказал, что они до сих живут темой освоения космоса, что их школа носит имя Гагарина, что у них в отряде космонавтов есть мальчик, который первый из их школы полетит в космос... И я вдруг поняла, что идея освоения не осталась в советском времени. И мы решили показать разные сообщества города, которые связаны с космосом. Поэтому ещё одна часть проекта — интервью с инженерами, физиками, биологами. Среди них есть, например, академик Иосиф ГИТЕЛЬЗОН, который занимался разработкой и созданием комплекса БИОС, знал КИРЕНСКОГО и КОРОЛЁВА, или Антон ШАРЫПОВ, создатель «Ньютона Парка».

Наталья: Третья часть нашего проекта — это размышления учеников дивногорской школы №2 имени ГАГАРИНА и студентов СФУ, Аграрного университета, учащихся Школы космонавтики в Железнодорожке на тему «Что я думаю о космосе?». Мне нравится, что в проекте у нас разговор идёт о конкретных вещах, но при этом мы выходим на очень серьёзные, философские темы. Тема космоса объединяет всех, это трансцендентная величина.

Анна: Кто-то сравнивает освоение космоса с эпохой великих географических открытий, кто-то говорит о расширении земного пространства, кто-то — о желании человека преодолеть себя. Мы привыкли, что советская история очень тяжёлая, что в ней на передний план выходит много проблем, а в этой теме на передний план выходит радость. Радость того, что наша страна значима в мировом сообществе.

Наталья: Все-все в интервью говорили нам, что нужно осваивать новые пространства, развивать знания о мире, в котором живём, а мы воюем, деньги делим. Это другое измерение человеческих отношений. И для каждого человека космос — это осознание себя, своих интересов и действий как части процессов государственного и планетарного характера.

«Кухня» и сложности. Наталья: Во-первых, сложно отойти от шаблонов, заданных текстами о космосе. От обаяния художественной и научно-популярной литературы. Трудно работать с материалом, который носит технический характер.

Сложно и собрать все материалы в единое целое, найти общую идею выстроить логику проекта. Когда у нас был один сюжет, с Гагариным и Дивногорском, было просто. А вот что общего между детьми и учёными, прошлым и настоящим?

Анна: Наш сюжет очень хорошо перекликается с тем, что было в своё время описано итальянским историком Алессандро ПОРТЕЛЛИ, который на примере рабочего движения показал, как изменяется реальность в устной истории, когда значительные отрезки времени укладываются в несколько минут, а небольшим эпизодам жизни (в нашем случае — визиту ГАГАРИНА) придаётся огромное значение, происходит изменение в «скорости» повествования. Очевидцы очень подробно описывают этот совсем небольшой эпизод, добавляя всё новые и новые детали, постепенно превращая этот сюжет в легенду.

Наталья: Непросто работать с XX веком, потому что очень много стереотипов и противоречий.

История этого периода ещё как бы не отстоялась, не перегорела, всё живое, нестабильное, меняющееся, вызывает бурю эмоций. Огромная масса фактов и документов, которую не обработать за время жизни одного человека. Но тем и интересна эта работа.

Меланжевый комбинат в Барнауле

«Без хладнокровия темой репрессий просто нельзя заниматься — будешь душевно опустошён».

Исследователь: Антон ЗАХАРОВ, филолог.

Город: Барнаул.

Про что. В Барнауле есть дом, где жили рабочие строящегося в 30-е годы Барнаульского меланжевого комбината. На этом доме я увидел табличку «Последнего адреса» (гражданская инициатива, направленная на увековечивание памяти о людях, подвергшихся политическим репрессиям в годы советской власти — прим. ред.). Я начал читать о том, кого отсюда забрали, и наткнулся на материал местного краеведа о 20-30 репрессированных руководителях и рабочих комбината. В материале была ремарка: «Список этот, по всей вероятности, неполон». В Школе я стал исследовать эту историю, чтобы понять, насколько всё-таки неполон этот список.

Барнаульский комбинат начали строить в 1932 году. Из архивов видно, что люди, которые занимались стройкой, понимали, что планы строительства нельзя выполнить точно в указанный срок, не хватит времени и материалов, но они изворачивались как могли. Комбинат

строили впереди проекта. Когда в цехах не было пола и потолка, в них уже начали монтировать станки, которые вырабатывали пряжу, потому что страна требовала тканей.

В Барнауле было тяжело с железобетоном, а с лесом было в порядке, поэтому при строительстве крыши, например, использовали дерево. Но как только наступили морозы, в ней появились трещины, весной она начала протекать. Кто-то должен был ответить за это, поэтому на рабочих и руководителей стали вешать дела — обвинять не только во вредительстве, но и в диверсионно-повстанческой деятельности, в шпионаже.

«Кухня» и сложности. Пока работе нет конца. В архиве я обнаружил, что в 1937-1938 годы при строительстве комбината было репрессировано не 20-30, а больше 120 человек. Кто-то расстрелян, кто-то отправлен в лагерь. Всю информацию я беру из отдела спецдокументации местного архива, сверяюсь со списком репрессированных на сайте «Мемориала». Открываешь, например, личное дело Максима Ефимовича ГОЛЬДБЕРГА, директора комбината, и оттуда тянется новая ниточка — протоколы допросов ещё нескольких людей. Ты выписываешь имена этих людей, берёшь их архивно-следственные дела, а там, в свою очередь, новые протоколы допроса... Всё это разрастается и разрастается.

Старейшее поселение

Новосибирска — Кривошёрково

«Хочется изменить сознание людей, которые считают Новосибирск молодым городом, а себя — временщиками»

Исследователь: Константин ГОЛОДЯЕВ, сотрудник «Музея города Новосибирска».

Город: Новосибирск.

Про что. Лет пять назад я заинтересовался тем, откуда начинался Новосибирск: проводил исследования, частично публиковал их, работал в архивах, совмещал карты конца XIX века с современными гугл-картами. Так было обнаружено место первого русского поселения на территории города. Село Кривошёрково находилось на левом берегу Оби у самого железнодорожного моста, из-за строительства которого и было снесено. При осмотре места были найдены и артефакты — остатки фундамента Никольской церкви 1879 года. Сразу появилась идея устроить на этом месте историко-мемориальный парк с рабочим названием «Кривошёрково». Основания для этого есть.

В прошлом году здесь были проведены археологические работы и помимо фундамента церкви были обнаружены и захоронения. Место было занесено в реестр вновь выявленных объектов культурного наследия Новосибирской области. В Школу я пришёл, чтобы сделать интересную, законченную концепцию парка. Хочется, чтобы в этом парке были не только экспозиции, но и проходили интерактивные действия, причём круглый год. Можно будет рассказывать о быте русских поселенцев, о коренном населении — барабинцах, чатах, теленгетах. Здесь можно было бы проводить конференции, семинары, научные симпозиумы.

Новосибирцы интересуются краеведением. Меня это радует. Работая в музее, я большую часть времени отвечаю на вопросы, которые поступают и от власти, и от горожан, и от СМИ. Очень хочется сменить образ молодого транзитного города, куда люди приезжают поучиться, поработать и уехать куда-нибудь, на воспитание города, в котором люди захотели бы жить долго, поколениями.

«Кухня» и сложности. В Новосибирске собираются строить ещё один автомобильный мост через Обь, и эстакада этого моста проходит конкретно через памятное место «Кривошёрково». Никто не учитывает, что на этом месте находится археологический памятник, что могут быть разрушены остатки фундамента Никольской церкви. Нужно выявить общественный интерес, чтобы администрация города и области увидела, что проект Новосибирску нужен и его можно поддержать.

Сибирские проекты Школы исследования и текста будут представлены широкому кругу читателей в начале 2017 года. За их публикацией можно следить на сайте Российского фонда культуры по адресу <http://www.museumrfk.ru/shkola/>

Текст _ Валентина ЕФАНОВА
Фото _ Анна ОМЫШЕВА

«Требования минимальны, но должны соблюдаться»



Одно дело — прогнозы, другое — чёткие правила игры, которые прописываются на ближайшее будущее. Особенно это важно в вопросах финансирования — святая святых любой организации. Именно о требованиях, от выполнения или невыполнения которых будет напрямую зависеть комфортное существование учреждений образования, говорил А.В. ЗАРУБИН, директор департамента финансов, организации бюджетного процесса, методологии и экономики образования и науки Минобрнауки России на семинаре-совещании «Повышение качества финансового менеджмента учреждений как инструмент обеспечения эффективности их деятельности», который прошёл в Красноярске.

Это был шестой за год семинар. Предыдущие проходили в Санкт-Петербурге, Туапсе, Москве... — министерство стремилось охватить все федеральные округа, повышая квалификацию управленцев и финансистов.

Директор министерского департамента Андрей Зарубин, все дни выступавший модератором совещания, отметил: несмотря на известные экономические сложности, финансирование образования не снижается. Объём субсидий на госзадание составил 167,3 млрд рублей, и он не уменьшится в 2017 году. Министерство сохранило ряд проектов, таких как развитие деятельности студенческих объединений, реализация программ развития учреждений и др. Будут проиндексированы на 5,8% стипендии, эти средства уже заложены в Закон о федеральном бюджете, как и условия для повышения оплаты труда профессорско-преподавательскому составу.

Остальное зависит от вузов и от качества их руководства. Андрей Зарубин указал ряд проблем, решение которых поможет повысить эффективность деятельности вузов. Первое — это инфраструктура. Если раньше она была центром притяжения доходов (чем больше инфраструктура, тем больше средств на её содержание выделялось), то теперь инфраструктура — источник издержек, и учреждениям необходимо обеспечить её оптимизацию.

Другая важнейшая общая задача — выполнение известных майских указов президента: к 2018 году обеспечить рост зарплаты ППС до двухкратного уровня по сравнению со средним в регионе. «На эту задачу мы будем обращать особое внимание, — подчеркнул А. Зарубин, — и чем ближе к 2018 году, тем она будет стоять острее». Кстати, в решении этой задачи министерство видит для вузов даже некие возможности: увеличение оплаты труда позволит привлечь и в руководство, и рядовой состав учреждений новые и весьма сильные кадры.

Большое внимание министерство будет уделять и дистанционному обучению — в том числе как одному из дополнительных источников роста доходов вузов.

А дальше речь шла об основных требованиях, которые Минобрнауки намерено предъявлять к учреждениям образования.

Первое: внедрение федерального сервиса «АСУ финансово-хозяйственной деятельности». Сервис создаёт удивительные возможности учреждениям, может полностью изменить их философию планирования финансов. «Мы будем исходить из того, что любое решение по выделению дополнительных денег должно быть прямо пропорционально открытости учреждения системы АСУ ФХД. Чем более вы открыты, тем более вероятно, что мы примем положительное для вас решение, и наоборот», — подчеркнул А. Зарубин.

Второе: контроль за стоимостью платных услуг. По мнению министерства, зачастую учреждения занижают эту стоимость, тем самым перекачивая нагрузку по финансированию учреждения с внебюджетного финансирования на бюджетное. «Учреждение, которое нарушает требования по платным услугам, не будет получать финансирование, направленное на компенсацию недополученных доходов от внебюджетной деятельности в связи с нарушением законодательства».

Наконец, борьба с необоснованными остатками. «Мы это сделали в 2016 году, мы это сделаем в 2017-м.

« — Очень важно, чтобы каждое учреждение понимало: необоснованные остатки — это риски для всей системы. Министерство финансов понимает сегодня остатки как деньги, которые нужно изъять.

И учреждения, которые остатки не зарезервировали должным образом, подставляют тех, кто эффективен. Потому что уменьшается общее финансирование. Остатки могут быть, но они должны быть обоснованы».

Наконец, министерство намерено придать больший вес эффективному менеджменту. «Например, средства на ремонт и оборудование должны распределяться учреждениям с высокой степенью финансового менеджмента. И такой подход правильный, ведь средства должны получать те, кто умеет их эффективно использовать».

У нас была возможность задать А.В. Зарубину несколько вопросов.

— Андрей Владимирович, вопрос стоимости платных услуг на семинаре оказался одним из наиболее обсуждаемых. Дело в том, что для вузов, удалённых от Москвы, установленная централизованно стоимость обучения, ниже которой вузы не могут принимать платных студентов, является большой проблемой. Те суммы, что приемлемы для Москвы, оказываются неподъёмны для 95% населения в регионах. Может, этот момент всё же будет пересмотрен, чтобы стоимость обучения компенсировалась для регионов или была уменьшена?

— У нас есть требования, согласно которым стоимость платных и бюджетных услуг должна быть одинакова. Каждое учреждение при этом вправе снизить стоимость.

— Но вы за это будете наказывать...

— Не совсем так. Мы не поощряем нарушения законодательства, которые приводят к тому, что учреждение не направляет свои средства на компенсацию, а просто снижает стоимость образовательной услуги. Если учреждение воспользовалось своим правом и направило свои средства на компенсацию, то в этом никаких проблем нет. Если же учреждение снижает стоимость образовательной услуги и при этом ожидает, что федеральный центр компенсирует выпадающие доходы учреждения, то мы этого не одобряем.

— А из каких средств вузы должны компенсировать оплату обучения?

— По закону — из внебюджетных.

— Но внебюджет в основном и составляется за счёт оплаты обучения.

— Не только. Это и привлечение средств на науку, и вопросы, связанные с имуществом — есть много входных источников для образовательных учреждений.

— Сегодня говорилось и о выполнении майских указов президента. За счёт каких средств это должно быть сделано? Для многих вузов это настоящая головная боль.

— Недопущение задолженности и достойный уровень зарплат — это в первую очередь ответственность вуза. Вместе с тем в системе образования в 2017 году на эти цели предусмотрено 60 млрд рублей, и это на 18 млрд больше, чем было в 2016 году. Поэтому можно смело ожидать, что зарплаты вырастут. Другое дело, что разные вузы по-разному выполняют эту задачу. Есть вузы, которым это удаётся, и что в значительной степени связано как раз с высоким качеством финансового менеджмента, с должным соотношением «преподаватель — студент». Это эффективные с точки зрения финансовой вузы. А есть вузы с избыточной инфраструктурой, у которых нет успехов в реализации передовых технологий финансового менеджмента — такие вузы буксуют. Как раз состоявшийся в Красноярске очередной семинар — это та площадка, на которой мы обсуждали подходы к тому, как в конечном счёте решать такие задачи.

— Кстати, про избыточную инфраструктуру. Допустим, наш вуз строится, вводятся новые корпуса, общежития. Но содержать потом эту инфраструктуру оказывается убыточно. Мы не получаем финансирования на поддержку этих новых объектов. Так что же — не развиваться?

— Не соглашусь с такой постановкой вопроса. Средства на содержание выделяются в составе норматива на одного студента. И этих средств, при отсутствии избыточной инфраструктуры, должно быть достаточно для того, чтобы содержать любые объекты. Когда вводятся крупные объекты, такие как общежития, это действительно накладывает дополнительную нагрузку на вуз, а мы целевым образом средств на это, как это было раньше по смете, не выделяем. Но тут важно понимать: раз появляются общежития, значит, вуз получает возможность привлечь больше студентов, а за студентами как раз следует финансирование. Так что общежитие — дополнительная возможность вузу привлечь студентов и получить финансирование как из федерального бюджета, так и из внебюджетных источников.

— В том, что успевающим учреждениям образования, т.е. имеющим хорошие показатели в рейтингах, выигрывающим конкурсы и т.д., дают больше финансирования, есть резон. Но таким образом происходит ещё больший разрыв между сильными и слабыми. Образуется группа элитных школ и вузов и тех, кто на развитие получает в разы меньше. Этот разрыв будет увеличиваться или стираться? Когда у нас не останется «слабых», а всё образование будет качественным?

— Я считаю, что наше образование в целом качественное, и не вижу того разрыва, о котором вы говорите. Это конкурентная и открытая среда, но правила и подходы ко всем едины. Речь идёт просто о каких-то точечных решениях, которые принимаются в пользу более эффективных, более подготовленных учреждений.



Текст _ Андрей КУЗНЕЦОВ

Музей, о необходимости которого долго говорили в Красноярске, начали, наконец, создавать. Его экспозиция будет посвящена первопроходцам, открывателям российского Севера.



Пионеры Крайнего Севера

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью

Как ни странно, красноярцы редко ассоциируют наш регион с Арктикой. А ведь Красноярский край и в давние, и в нынешние времена — это один из главных форпостов исследования, освоения и снабжения российского Крайнего Севера. Здесь в XVII веке в Енисейском остроге начинал сибирскую службу казак и будущий путешественник Семён ДЕЖНЁВ. В XVIII веке в том же Енисейске останавливались на отдых и пополняли припасы сначала участники Первой Камчатской экспедиции Витуса БЕРИНГА, а затем — сразу несколько отрядов Великой Северной экспедиции под общим руководством того же капитана-командора. Арктическое побережье нынешнего Красноярского края изучали такие легендарные первопроходцы как Харитон ЛАПТЕВ, Дмитрий ОВЦЫН, Василий ПРОНЧИЩЕВ, Семён ЧЕЛЮСКИН.

Следующие века — и снова на территории Красноярского края целая плеяда всемирно известных исследователей и покорителей Арктики, причём даже самых разных национальностей: Александр МИДДЕНДОРФ, Адольф Эрик НОРДЕНШЕЛЬД, Давид ШВАНЕНБЕРГ, Георгий СЕДОВ, Александр КОЛЧАК, Никифор БЕГИЧЕВ, Фридьоф НАНСЕН, Руаль АМУНДСЕН, Николай УРВАНЦЕВ... В это трудно поверить в век Интернета и «офисных хомячков», но какие-то 100 лет назад и даже меньше не где-нибудь, а в нашем Заполярье ещё продолжалась эпоха великих географических открытий. Это сегодня полёт из Красноярска в Норильск — обыденность для пилотов и пассажиров комфортабельных «Боингов», а каких-то 80 лет назад это был подвиг на грани возможностей человека и техники. Но по большому счёту, пытливым и отважным там и сейчас изучать — не переизучить, осваивать — не переосвоить...

Идея создания в Красноярске музея освоения Севера в воздухе витала давно. Импульсом для перехода к практическим шагам стал успешно реализованный проект Экспедиционного центра Русского географического общества по «вызволению» с Таймыра самолёта полярной авиации С-47, потерпевшего аварию в 1947 году. После реставрации он должен стать одним из первых крупных экспонатов будущего музея освоения Севера. Ещё один потенциальный музейный экспонат — флагман многих заполярных речных и морских экспедиций буксир «Красноярский рабочий». Круглый стол по вопросу создания музея освоения Севера Экспедиционный центр Русского географического общества (ЭЦ РГО) провёл совместно с СФУ в мае 2016 года, следующим шагом стала конференция в конце октября.

Где бросить якорь?

На конференции при обсуждении будущего музея сразу встал вопрос: с чего начать? С организационно-правовой формы? Ведь от этого зависят финансирование и приоритеты музея. Или с названия? Или с концепции? Или с места расположения?..

Первоначальная идея о базировании музея в заброшенном авиационном ангаре на Взлётке не получила развития по ряду причин. Это место

посреди плотной жилой застройки «спального» микрорайона; ни места для парковки, ни удобных подъездов там нет.

Из альтернативных вариантов наиболее перспективным представляется остров Молокова, причём по целому ряду причин. Но о них чуть позже, а сначала о главном и единственном доводе «против», который озвучил заместитель начальника Главного управления МЧС России по Красноярскому краю Валерий ТЕРЕШКОВ: «Остров Молокова находится в зоне затопления, поэтому маловероятно, что строительство там разрешат. Когда мы выйдем из 11-летнего маловодного цикла, вполне возможно повторение 2006 года. Нужно это учитывать».

Но факты — упрямая вещь. Самое крупное на памяти ныне живущих красноярцев наводнение 1966 года полностью скрыло под водой остров Отдыха со строившимся Центральным стадионом, а сейчас там множество капитальных строений разного назначения. Остров же Молокова с авиамастерскими и жилым посёлком на нём тогда был затоплен лишь частично. С принятием в эксплуатацию Красноярской ГЭС, которая стала выполнять функцию регулятора водного режима Енисея, паводки в Красноярске практически прекратились.

Ну и, наконец, в 2014 году утверждён проект планировки и межевания территории «о. Отдыха — о. Молокова», разработанный институтом «Красноярскгражданпроект». Среди прочих объектов спортивно-рекреационного и общественного назначения там УЖЕ ПРЕДУСМОТРЕН музей освоения Севера со стационарным помещением и открытыми площадками.

На стыке маршрутов и судеб

А вообще, трудно в Красноярске найти место более подходящее музею освоения Севера, чем остров Молокова. Приведу некоторые широко известные и, наоборот, очевидные, но почему-то ранее не принимаемые в расчёт доводы.

Сам остров носит имя третьего Героя Советского Союза легендарного полярного лётчика Василия МОЛОКОВА.

На острове сохранилось здание гидробазы Красноярского отряда авиации Главсевморпути и остатки авиамастерских.

Территория острова позволяет разместить на нём такие крупногабаритные экспонаты музея, как самолёты и другую арктическую технику.

Здесь можно пришвартовать теплоход «Красноярский рабочий» и другие суда-экспонаты, когда такие появятся.

Напротив острова Молокова — территория бывшего авиаремонтного завода имени красноярца, полярного штурмана Григория ПУБЕЖИМОВА из экипажа самолёта Сигизмунда ЛЕВАНЕВСКОГО, пропавшего в 1937 году во время рекордного арктического перелёта. Позднее завод перепрофилировали и разделили на судостроительный и судоремонтный, и отсюда на Север стали не самолёты улетать, а уходить речные караваны. Прямое соседство музея с действующим судоремзаводом — стимул для сотрудничества и пополнения речной экспозиции.

Тут же недалеко — самый старый Злобинский район речного порта, откуда уходили на Север

речные экспедиции. Даже если со временем эту территорию решат застроить, необходимо сохранить для истории «кусочек» причальной стенки с портовым краном (в Амстердаме такой кран превратили в элитный отель).

А ещё тут же в районе правобережного торгового центра — Свято-Никольский храм-памятник. Он стоит на месте пересыльного пункта Норильлага, где заключённых грузили на баржи. Да, освоение Севера — это не только подвиги и фанфары, это и тысячи сгинувших там узников «архипелага ГУЛАГ».

На острове Молокова достаточно места для организации парковок. Согласно генплану, его «связь с материком» будет осуществляться не только через остров Отдыха, будет построен мост в микрорайон Южный Берег.

Патриотизм и прагматизм

В чём участники конференции были практически единогласны, так это в том, что главная функция музея освоения Севера — воспитание патриотизма. Но к патриотизму нельзя принудить, человек должен сам принять его в себе. И неподвижных безмолвных памятников, даже по-своему уникальных, для этого недостаточно.

— Я, может быть, резко немножко, но скажу от лица потенциального спонсора о том, что нам было бы интересно, — обратился к собравшимся начальник PR-отдела компании «Полюс» Вера РАЗОРЁНОВА. — Нам нужна живая история. К сожалению, сегодня прийти и посмотреть на самолёт, выставленный на постаменте, или теплоход «Красноярский рабочий» на берегу или на воде никому не интересно. Интересно пройти квест «Почувствуй себя полярником», поехать в экспедицию с молодыми учёными, разжечь костёр вместе с геологами... Т.е. что-то такое живое.

С тем, что будущий музей должен давать возможность «почувствовать себя полярником», согласились все участники конференции. А это значит, например, что посетители должны иметь возможность спустить с борта «Красноярского рабочего» шлюпку и пройти на ней по Абаканской протоке. Помогут им в этом и заодно попрактикуются сами курсанты Красноярского института водного транспорта или ребята из Красноярского детского речного пароходства. Хотите полетать? Центр виртуальной авиации с тренажёром в кабине реально летавшего Ту-154, который сегодня базируется на окраине Зелёной Роши, вполне может стать «резидентом» будущего музейного центра.

И самое главное — это встречное движение. Когда юные посетители музея пойдут учиться не только на юристов-экономистов-визажистов, но и на капитанов, пилотов, геологов, вот тогда, наверное, можно будет считать задачу культурного центра полярных первопроходцев выполненной.

Концепция будущего музея как раз в разработке. В мае 2017 года ожидается её представление руководству страны в штаб-квартире РГО в Москве.

НА ФОТО: здание гидробазы полярной авиации на восточной оконечности острова Молокова.

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО
 Фото _ Сергей ОСИН

По мнению Г. Шнайдера, партнёрство между Россией и Германией имеет дифференциацию по регионам и точно имеет сибирскую специфику.



Георг ШНАЙДЕР: «В России надо не продавать, а открывать производства»

Русские и немцы неразрывно связаны между собой геополитически, экономически, духовно и даже... кровно. Значительную часть императорского дома Романовых составляли немецкие принцы и принцессы. Но были в истории и кровопролитные мировые войны, когда два народа становились заклятыми врагами. Сегодня, по мнению ряда историков и геополитиков, сближение двух стран усиливает их вес и позиции как в Европе, так и во всём мире. В уходящем году мне довелось встретиться с успешным бизнесменом из Германии Георгом ШНАЙДЕРОМ. Времени было немного, всего каких-то полчаса, но мы успели обсудить не только вопросы высшего образования, но и поговорить «за жизнь».

Независимый экономический советник по Российской Федерации, кандидат экономических наук Георг Шнайдер посетил Красноярск в мае 2016 года. В качестве эксперта он принимал участие в VII Германо-Российской конференции для выпускников немецких программ «Сибирская специфика прогресса», проходившей на базе СФУ. Вот уже 15 лет Сибирский федеральный университет успешно работает с университетом Пассау, между двумя вузами сложились замечательные партнёрские отношения.

По мнению Г. Шнайдера, партнёрство между Россией и Германией всё же имеет дифференциацию по регионам и точно имеет сибирскую специфику: «Когда речь заходит о выстраивании экономических отношений крупных игроков на рынке — это сразу приобретает политическую окраску. Но у мелкого бизнеса такие возможности сохраняются. Ещё проще это делать в академической среде. Есть и региональная, в частности, сибирская специфика прогресса. Прежде всего, это человеческий фактор. Люди более открыты, внутренне свободны и хотят работать над совместными проектами».

Политэкономии, русский язык и восточно-европейскую историю господин Шнайдер изучал в университете Тюбингена (город недалеко от Штутгарта). В рамках дипломной работы исследовал первые совместные германо-российские предприятия. Позже, увлечшись изучением экономического пути РФ, защитил кандидатскую диссертацию в университете Марбурга на тему «Прямые зарубежные инвестиции в условиях процесса трансформации в СССР и России». Работал в ООО «Роберт Бош» и целенаправленно готовился сделать карьеру руководителя на производственных предприятиях в нашей стране. В 1998 году мечта сбылась. Георг занимал руководящие должности на двух совместных российско-германских предприятиях и благодаря

знаниям о России возглавлял делегации на переговорах с властями на муниципальном и областном уровнях, сотрудничал с федеральными учреждениями и министерствами.

— Ещё в 1995 году, когда я начинал работать в компании «Бош», она занималась организацией в России производства компонентов системы впрыска для АвтоВАЗа, — рассказывает Г. Шнайдер. — Я принимал участие в реализации данных проектов. Мы создали совместные предприятия в Саратове и купили старый автотракторный завод в городе Энгельс. В январе 1998 года моя семья (жена и двое детей) переехала в Саратов. Я в тот период работал экономическим директором в двух дочерних компаниях «Бош».

— Легко ли было перестроиться и жить на российский лад?

— Мы это сделали с удовольствием. Помогло знание русского языка. С будущей женой я познакомился в Питере. Она тоже родом из Германии, но училась языку в России и очень интересовалась этой страной. Для примера, в 1990 году мы вместе 5 недель каникул путешествовали не по Западу, а по Советскому Союзу на собственном автомобиле и без гида. Поэтому нам было очень легко адаптироваться к жизни в тогда ещё Советском Союзе. Жили мы в центре Саратова, и всё нас вполне устраивало. В то время среди наших соотечественников было совсем немного желающих работать в СССР, где жизнь преподнесла всё новые неприятные сюрпризы. Если помните, в 1998 году случился один из самых тяжёлых экономических кризисов в истории России, произошла очень сильная девальвация рубля.

— Это вас не испугало, не смутило?

— Конечно, в головной компании присутствовал большой страх, но мы написали новые бизнес-планы и убедили руководство продолжить работу. Я как специалист по экономике сказал, что мы являемся единственным отечественным производителем компонентов системы

впрыска и свеч зажигания для АвтоВАЗа, и у нас в период кризиса есть большое преимущество перед конкурентами. Так оно и вышло: рубль падал, а мы между тем оставались на пике и могли в полной мере реализовывать свой проект.

— Как ваши дети росли, воспитывались?

— Дочь пошла в детсад сразу же после переезда в Саратов, а для сына, когда ему исполнился год, мы нашли очень хорошую няню (до сих пор не теряем с ней контакт, созваниваемся). Жизнь в России нас вполне устраивала. Дети росли двуязычными. Дома мы с ними говорили по-немецки, но в других местах общались только по-русски.

— Когда вы жили в Саратове, то наверняка удивлялись каким-то вещам. Может быть, что-то было для вас непонятным или даже смешным?

— Было и положительное, и отрицательное. Кстати, о разных подходах к воспитанию детей в России и в Германии.

«

Однажды в детском саду детям дали задание нарисовать картинку на тему природы. И наша дочь изобразила листья не зелёными, а розовыми. Но строгий воспитатель сказала, что это не естественно, в природе так не бывает, а значит, нельзя рисовать то, что неестественно. Ребёнок расстроился... Мы не понимали: почему нельзя?

»

«Родители меня ругают. Думаю, они правы»

Именно такие ответы, без исключения, мы получили, устроив небольшой опрос среди шестиклассников одной из красноярских школ. Обычно право на компетентное мнение мы отводим взрослым, но ведь дети тоже в своём роде эксперты, да ещё и практикующие каждый день. По крайней мере, они вполне могут сказать, насколько правы мы, родители — в том, что их наказываем, как наказываем и за что.

Но наши дети оказались большими конформистами. Хотя, возможно, шестиклассники ещё просто не достигли подросткового возраста критиков и нигилистов, готовых предъявлять счёт взрослым. Пока они даже не ведут этот счёт, всё обнуляют — обиды, несправедливости, непонимание. И всё же — в каком случае мы бываем недовольны своими детьми и что предпринимаем, решая проблему?





За что?

Артём: «Мои родители бывают мной недовольны, когда я не выполняю домашние обязанности. Мне мама говорит прибраться дома или помыть посуду и обижается, когда я это не выполняю».

Степан: «Чаще всего родители недовольны мной, когда я обманываю. Один раз, когда выставили четвертные оценки, я написал их стирающейся ручкой. Естественно, после того как учитель расписался, я немного исправил. Но так как руки у меня не из того места, я слишком слабо их стёр. За это родители отключили мне wi-fi, я долго не пользовался Интернетом и не гулял с друзьями. Также мне запретили ездить на тренировки».

Владимир: «Чаще всего родители бывают недовольны моими оценками, поведением, но чтобы они очень сильно разозлились — это я не знаю, что я должен сделать. Когда родители были в моём возрасте, у них были любимые предметы. И я стараюсь по этим предметам получить хорошие оценки, чтобы родители меньше огорчались».

Марк: «Когда не выполняю заданий, родители, конечно, недовольны. Например, не помыл посуду, не пропылесосил, не помыл полы, сушилку с вещами не разобрал. Иногда родители правы, потому что я забыл или не хочу что-то делать. Но иногда неправы, потому что я просто не успеваю, три дела сделал, а надо было четыре, и они недовольны просто так...»

Александра: «Я однажды пошла на олимпиаду и забыла предупредить родителей, а телефон отключила. Дома мне очень досталось от мамы, а от мамы не очень».

Полина: «Мои родители мной недовольны, когда я не откликаюсь на зов. Допустим, мама зовёт меня ужинать, а я продолжаю благополучно слушать музыку. Я считаю, что родители неправы, ведь можно понять, что я не слышу, подойти и сказать мне вблизи».

Роман: «Я однажды пошёл гулять и пришёл с сотрудниками ДПС, потому что перешёл дорогу не по светофору... Родители обычно правы на 80 процентов, а на 20 правы дети. Хотя большая часть подростков считает, что правы всегда они».

Лиза: «Мои родители бывают недовольны тем, как я учусь, чем увлекаюсь, или им не нравится беспорядок в моей комнате, хотя правы они только отчасти — порой у меня не бывает достаточно времени, чтобы хорошо выучить уроки или убрать в комнате. Ещё им не нравятся мои постоянные драки с братом, тогда нам обоим попадает».

Марк: «Если я старался получить 4, а получил 3, родители бывают недовольны. Считаю, что они правы, ведь я должен добиваться лучшего, а не худшего».

Алёна: «Иногда я не хочу идти на какие-то дополнительные занятия. Я хожу в спортивную секцию, но у меня стал пропадать интерес. Я говорю родителям, что не хочу идти на тренировку, но они говорят, что спорт полезен для здоровья, и так как я ещё выступаю на сцене, то должна быть стройной. Я и сама это понимаю».

Лера: «Родители часто мной недовольны — из-за оценок, из-за того, что я ем то, что мне нельзя, или что ленюсь. Но меня не наказывают».

Сергей: «Меня ругают за мою невнимательность и иногда — за равнодушное отношение к какому-то не интересному мне делу или занятию. Сначала я обижаюсь, но потом понимаю, что родители правы. Мама говорит иногда, что жалеет, что в некоторых случаях не настояла на своём».

Аня: «Чаще всего мама недовольна, когда я не убираю в комнате и когда плачу по «пустяку». Допустим, один раз я увидела в своей комнате жука и выбежала со слезами, а когда мама вошла, она его не нашла и меня ругала».

Мария: «Когда родители недовольны, я считаю, они правы, ведь они должны воспитать

ребёнка честным, добрым, отзывчивым и дать ему понять, чего делать не надо».

Даниил: «Родители недовольны мной, когда я получаю замечание за плохое поведение или двойку за контрольную работу. Они меня ругают и правы, конечно. Наказывают меня так: говорят — иди в комнату и сиди до вечера. От этого мне некомфортно и уныло».

Денис: «Родители недовольны, когда я не записываю уроки. Они правы, ведь я всегда ленюсь это делать. Наказывают меня тем, что я должен садиться и читать книги, много книг».

Как видим, причины родительского недовольства не оригинальны: плохие оценки, неаккуратность, непослушание. Может быть, мысль о том, что не только у нас такие проблемы, немного сгладит градус нашего недовольства собственными детьми? Тем более, как видим, они и сами с нами согласны в оценке, что хорошо, что плохо. Но как же без наказания? И оно следует.

Преступление и наказание

Владимир: «Наказывают в основном не давая посмотреть телевизор. Но если сильно провинился, могут запретить всё. Но до этого я стараюсь не доводить. Иногда я обижаюсь, но чаще и сам понимаю, что бесцельно трачу время, играя в гаджеты».

Полина: «Меня редко наказывают, но если это всё же происходит, то мама перестаёт со мной разговаривать и не обращает внимания на мои действия. Я начинаю чувствовать себя неуютно, испытывать стыд и через некоторое время иду извиняться».

Роман: «Меня обычно наказывают, не пуская на улицу, а если сильно провинился, могут слегка и дать ремешком. Я тогда прошу у мамы прощения, а мама прощает, потому что она меня любит».

Лиза: «Я уже привыкла к наказаниям, точнее, оно длится уже 5 лет: у меня постоянно под запретом компьютер, телефон и телевизор. Ещё у меня могут забрать книгу только потому, что она «бессмысленная», а я её постоянно читаю. Конечно, я делаю выводы, чтобы исправиться: пытаюсь не рассусоливать и делать всё гораздо быстрее, не отвлекаться на любимую книгу и меньше ссориться с братом».

Сергей: «Меня наказывают тем, что ограничивают доступ к источнику проблемы. Допустим, я не успел сделать домашнее задание, потому что засмотрелся в телевизор, и его забирают у меня на некоторый срок».

Аня: «Обычно меня наказывают, забирая планшет — это когда я не делаю уроки. Я чувствую себя виноватой и очень плохим ребёнком, но это спустя время, а вначале я зла. Потом сажусь за уроки и исправляюсь».

Сергей: «Меня не наказывают. В детстве меня поставили в угол за то, что я разбил вазу, но это было раз в жизни».

Женя: «Когда я провинюсь, меня обычно чего-то лишают, к примеру, прогулки с друзьями. В такие моменты мне бывает очень обидно, но я понимаю, что это моя провинность, и ответственный за это я».

Кирилл: «Меня каждый раз наказывают по-разному, но чаще всего заставляют делать непосильное, лишают любимого».

Степан: «Я пришёл домой и сразу сел за компьютер, а должен был начать делать уроки, и они на меня наорали, грубо говоря. Да, они правы».

Алёна: «Обычно меня не наказывают, но когда я делаю какой-то очень плохой поступок, мама повышает голос, и чаще она сама бывает очень расстроена. Например, одно время я не делала домашние задания по английскому, их накопилось много. Когда мама это узнала, она заставила

меня сделать всё, и мне пришлось очень долго за ними сидеть».

Артём: «Когда плохая оценка, мне бывает грустно и не хочется идти домой. Я получил по русскому языку «два» за диктант, мне сразу не хочется идти домой, потому что меня сразу будут ругать. Я бы хотел, чтоб родители объяснили мне, как выучить правила; когда родители мне помогают, я сразу всё исправляю».

Для современных родителей ремень по большей части устарел, но само наказание — нет. Увы, часто это единственный способ добиться от ребёнка, чтобы он делал то, что должен. При этом мы рискуем утратить взаимопонимание, а ведь совсем скоро эти самые, пока почти безоговорочно признающие нашу правоту дети вступят в переходный возраст и, возможно, перестанут нас слушать вовсе.

Карина: «Я не прибираю в своей комнате, не помогаю родителям и трачу всё своё свободное время на телефон и ноутбук. Моим родителям не нравится, что всё время меня приходится долго просить о чём-то. Думаю, они правы, ведь я действительно ничего не хочу делать. Обычно меня не наказывают, т.к. мои родители понимают, что после понесённого мной наказания ничего не изменится. Я не делаю никаких выводов».

Жди, устроим праздник

Да, часто у нас нет времени на помощь своим детям с уроками, на вникание в их проблемы, на формирование полезных привычек, на выстраивание распорядка дня. Но ведь мы живём для них, всё для них делаем! По крайней мере, обещаем ребёнку, что за длинными месяцами порой неинтересных ему занятий и довольно сложных обязанностей его ждёт заслуженный праздник. Мы задали детям ещё один вопрос: какие праздники есть в их семье и в какой степени ребёнок в них участвует.

Артём: «Лучший праздник Новый год. Мы уезжаем в деревню на Север, в Туруханский район. Там я могу покататься с друзьями на снегоходах, а в прошлом году мне дедушка дал свою машину!».

Степан: «На Новый год мы объезжаем всех наших родственников, дарим им подарки. А ещё мы с друзьями ездим в этот день в баню ко мне на дачу. Домой возвращаемся часов в 19-00. А вечером собираемся в зале за столом, смотрим обращение В.В. Путина».

Лиза: «Если семья готовится к какому-то празднику, я тут как тут на кухне. Но иногда я могу сильно напортачить, и меня с кухни выгоняют. Чтобы праздник стал сюрпризом, мне вообще лучше не участвовать, а то я обязательно открою секрет брату. Но иногда я и сама могу приготовить сюрприз».

Карина: «Обычно в нашей семье не бывает каких-либо больших праздников. А я бы и не хотела участвовать в их подготовке, т.к. мне не нравится работать с коллективом, мне лучше сделать самой (или не сделать). Я знаю, что к предложенной мною идее никто серьёзно не отнесётся, это ещё одна причина ни в чём не участвовать».

Кирилл: «Я не очень люблю участвовать в подготовке праздников, но ёлку ставлю я».

Сергей: «Самый большой праздник для меня, когда мы собираемся вместе всей семьёй. И лучше, когда я тоже участвую в подготовке события, потому что мне нравится эта счастливая суета».

Полина: «Самый большой праздник у нас — Новый год. Мы украшаем ёлку, квартиру. Под вечер каждый потихоньку подкладывает свой сокровенный подарок. Совсем поздно мы собираемся у накрытого стола. Чего там только нет! А в полночь все открывают подарки и радуются. Я люблю свою семью!».

Редакция СФ благодарит за помощь учителя гимназии № 32 Наталью Валентиновну СЕМЁНОВУ и заместителя директора по учебно-воспитательной работе Иннесу Станиславовну СНОПКО.

Текст _ Анастасия АНДРОНОВА

Детское творчество — это особый мир, где ребёнок познаёт себя, свои возможности, окружающий мир и может выразить своё отношение к нему.



Экспертное мнение мам

Полтора года назад, вместе с рождением дочки Рады, в моей жизни появился Mom's Bazaar — проект, который объединяет семьи Красноярска. Мы проводим городские события для родителей с детьми, но и сами организаторы фестиваля — мамы. Среди них хендмейкеры, психологи, юристы, врачи, активные жительницы города, но все они в первую очередь просто мамы... Мы спросили мам-экспертов о разных аспектах жизни с детьми.

Прописываю любовь: врач-педиатр Анна КОРНЕЕВА



Растить ребёнка в современном мире одновременно и легко, и трудно. Современных родителей окружает изобилие товаров: детское питание, одежда, одноразовые подгузники, развивающие игрушки. Маму и папу просто захлёстывает лавина информации: самые современные методики воспитания и раннего развития, правила вскармливания и ухода за малышом, календарь прививок и осмотров врача. С одной стороны, такой выбор существенно облегчает жизнь, с другой стороны, рекламные призывы зачастую отвлекают от главного — простого ежедневного выражения родительской любви.

Мама, в первые недели погружённая в заботы о малыше, начинает уставать, у неё накапливается стресс, дают знать о себе бессонные ночи. Зачастую она эмоционально отстраняется от ребёнка, с малышом, старается побыстрее уложить его спать, не даёт ему по-настоящему почувствовать свою любовь.

Стоит ли винить её в этом? Конечно, нет. Молодой маме трудно — на неё свалился груз ежедневных забот, бессонные ночи и тревоги. И вот любящая мама забывает лишний раз поговорить с малышом, старается побыстрее уложить его спать, не даёт ему по-настоящему почувствовать свою любовь.

Ко мне за помощью приходят мамы и папы с маленькими пациентами, родители искренне беспокоятся о здоровье своих чад. Однако ежедневно я вижу, что всё чаще и родителям нужна помощь.

Мы, врачи, ставим диагнозы, выписываем нужные лекарства, даём рекомендации, и всё-таки стоит чаще обращать внимание на средство, которое, может быть, сильнее всех лекарств вместе взятых.

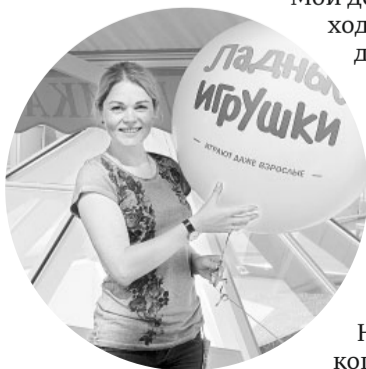
Появляется вопрос: откуда маме взять силы на проявление любви к своему малышу? Чтобы были силы и энергия, нужен правильный гор-

мональный фон. Основным гормоном любви является окситоцин. Что сделать, чтобы он вырабатывался у мамы? Главное, что стимулирует выработку окситоцина, — это объятия, близость, поцелуи. Это то, что даёт силы и что так легко получить.

Каждая мама выражает свою любовь по-разному. Кто-то поддерживает постоянный контакт и обнимает своего малыша, кто-то, наоборот, будет воспитывать и постарается не брать лишнего ребёнка на руки, кто-то много «сюсюкает», а кто-то выражает любовь даже криком. Есть тонкая разница, которую замечаешь на примере своих маленьких пациентов. Чем ярче проявляется мамина любовь в ежедневной заботе, тем более тесная связь формируется у неё с малышом. Такие дети растут более спокойными, меньше болеют, они гораздо более послушны и зачастую даже умнее своих сверстников. И российские, и западные учёные давно обратили внимание на этот факт. Ведь всем известен пример часто болеющих детей, которые фактически борются таким способом за внимание мамы. Материнская любовь, с врачебной точки зрения, является мощным катализатором процесса выздоровления. Когда малыш болеет, мама инстинктивно проявляет к нему больше внимания. Дети подсознательно готовы лишиться простудиться, лишь бы мама снова была рядом. Но потом, когда здоровье малыша приходит в норму, мама снова уходит с головой в рутину, и всё возвращается в обычный режим.

Хочется, чтобы у наших врачей-педиатров было время не только поставить диагноз и выписать рецепт, но и научить маму проявлять свою любовь.

Увлечь игрой взрослых: Татьяна ХАРИТОВА, основатель интернет-магазина развивающих игрушек



Мой декретный отпуск подходил к концу, а идея для открытия собственного дела так и не приходила. И если бы мне год назад предложили открыть магазин с игрушками, я бы просто возмутилась от этой банальной мысли. Но всё поменялось, когда я однажды совершенно случайно увидела конструктор, который перевер-

нул моё представление об игрушках в принципе!

Он был просто исполнен, но давал невероятный потенциал для развития детей разных возрастов. Даже нас с супругом он увлёк так сильно, что мы просто две недели не могли отойти от него. Выполнить некоторые задания нам не удалось с первого раза, в наборе не было пошаговой инструкции, только окончательный вариант модели.

И мы стали искать другие игры и игрушки, которые так же могли нас увлечь. Первое, на что обращали внимание — качество исполнения, рассматривали только оригинальные игрушки. И даже среди них мы находили какие-то моменты, которые нас не устраивали. То крепление слишком жёсткое и невозможное для самостоятельной игры ребёнку, то слишком мудрёное, и ребёнок быстро терял интерес, цвета яркие (отличающиеся от демонстрационных видеороликов), то цена завышена и не соизмерима с образовательным эффектом.

Все кучи игрушек, купленных до этого, были собраны по углам в мешки и отправлены к бабушке в деревню, поскольку толку от них было мало.

Потом начались эксперименты с сыном Степаном. Каждую новинку предложили ему для самостоятельной игры, затем для игры с бабушкой, а затем с мамой, у которой просто больше фантазии. Иногда выбирать приходится от потребностей. Нужна дыхательная гимнастика ребёнку — как сделать так, чтобы он сам захотел дуть? Нашли машинки-свистки — удивительная игра, захватывает ребёнка, ну и гимнастика заодно! Всё время наблюдаю за самостоятельной игрой сына и поражаюсь, как он раскрывает скрытый смысл игрушки.

Или другой пример. Однажды я попала в компанию, где дети и их родители вместе играли в Alias. Я хорошо запомнила этот момент. Меня удивило, насколько ловко ребята выполняли задания. Не отставали от взрослых. И если уж совсем честно, дети играли лучше, чем я в свои 27! Именно поэтому мы обратили своё внимание на настольные игры «Простые правила». Игра на 10-15-20 минут, очень простые правила (на их изучение вообще не нужно тратить время). Игры красочно и оригинально оформлены. В правилах предложено несколько вариантов для разного возраста. Мои наблюдения: через 6-8 игр в игру «Головоноги» у нашего ребёнка Степана память стала значительно быстрее! И я могу рассказать о таком эффекте после каждой настольной игры. Игра была ему не по возрасту, и мы играли на память, а не на скорость, как написано в правилах. Мы вообще всё время меняем правила, если первый раз сложно.

Некоторые игрушки становятся настоящими находками для каждой семьи. Почему для всей



семьи? Игра занимает огромную часть жизни ребёнка. И важно найти такие игрушки, которые бы увлекли даже взрослых. Тогда игра с детьми становится настоящим удовольствием для всех. Мы с успехом этого добились.

Но есть у таких игрушек и другой эффект. По собственному опыту я точно знаю, что если уделять ребёнку 15-20 минут в день, этого будет достаточно, как минимум, чтобы он дальше продолжил самостоятельную игру.

Обустроить комнату ребёнка: архитектор Надежда КАРЮК



Что такое детская комната? Это живой организм, который должен расти вместе с ребёнком, этап за этапом, в каждый период удовлетворяя все необходимые потребности и способствуя развитию.

Она на то и детская, чтобы вовсе не быть комнатой мечты родителя. Она совершенно иная, совсем не про дизайн как стиль. Она про основы основ, про гармонию, про внутреннее устройство.

Здесь крайне важно определить первоочередные задачи детской комнаты. На мой взгляд, детская — это среда, комфортная именно для ребёнка, как физически, так и морально. Чем здесь занимается ребёнок? Как правило, детская комната совмещает в себе целую квартиру. Здесь и кабинет, и спальня, и игровая, а хорошо бы и спортзал. И нужно позаботиться о грамотном зонировании пространства. Тут на помощь приходит такая наука, как эргономика.

Стоит уделить особое внимание и психофизическому соответствию комнаты. Ребёнок постоянно растёт, и мебель в детской комнате должна соответствовать его размерам и учитывать особенности его организма. Ребенку дошкольного возраста это особенно важно, ведь он формирует знания о своём теле, о своих физических возможностях. Это касается не только стула, стола или размеров кровати, но и элементов хранения. Сами габариты стеллажей или полок, их расположение часто не соответствуют физическим данным ребёнка. Конечно, маме удобнее взять книгу с уровня её роста, не наклоняясь, а малышу — нет. Эти «нет» ведут к несамостоятельности ребёнка и к падению интереса к тем или иным видам деятельности.

Вообще, я бы сравнила детскую комнату с театром. Ребёнок — это актёр, который ведёт свою игру, а сама сцена, на которую мы, как правило, не обращаем внимания, — это стены, пол и потолок. Не стоит увлекаться активными рисунками, например, на обоях, так как эта визуальная информация забирает у мозга ресурсы. Ребёнок играет, а глаза так или иначе фиксируют всё вокруг, создавая лишнюю работу мозгу, отвлекая от главного. Пускай отделка стен задаёт атмосферу, но не более. Стены — не предмет игры, это лишь фон и границы пространства.

Тема цвета и сенсорных ощущений в детской комнате очень объёмная и заслуживает отдельного внимания. Вся теория о том, как каждый цвет влияет на ребёнка, лично для меня слишком усреднённая. Все дети разные, и сложно определить для каждого — остаётся ли красный жизнерадостным или переходит в вызывающий агрессию и гиперактивность. Или синий — из спокойствия в уныние?

Здесь следует вернуться к истокам определения функций — а для чего комната? Является ли она зоной для активности или, если ваш ребёнок и так постоянно гуляет, лишь для отдыха. Исходя из этих функций я бы и выбирала цветовое решение.

Для Сибири с длинными зимами лучше тёплые оттенки. Но не активные, поскольку детская — это не развлекательный центр. В целом, цветовых решений масса. Но особым педантам нужно понимать, что если вся комната в светлых оттенках, декор бледный, игрушки и книги прячутся за дверцами или в контейнерах, то это приводит к цветовому голоданию, что тоже вызывает дискомфорт.

А помимо цветового голодания существует сенсорное. Оно возникает в том случае, если из комнаты исключают все так называемые пы-

лесборники. А уют — это в первую очередь тактильные ощущения. Поэтому текстиль или, например, подушки, пуфы должны присутствовать в детской. Что касается глянца, его, наоборот, лучше исключить. Он создаёт отражения, искажения — опять же лишняя работа мозга, переутомление, а активные отражения могут вызывать страхи.

Свет также очень важен. Он индивидуален для каждой детской, но помните, что тёплый свет располагает к отдыху, а холодный к работе. В общем, чего ни коснись здесь — всё имеет чрезвычайно важное значение. Ведь, как утверждают психологи, даже физическая среда может сдерживать развитие, а может и активизировать его, но быть безучастной к развитию не может.

«Построить» возраст: Юлия ВАРФОЛОМЕЕВА, педагог- психолог гимназии №1 «Универс», преподаватель Института экономики, управления и природопользования СФУ



Современная ситуация строит новые вызовы учителю и его профессиональной компетентности. Нельзя сказать, что учитель прошлого поколения работал с подростками кардинально иначе, как и нельзя сказать, что дети были «не то, что сегодня».

Сегодня новым является то, что появилось большое количество разнообразных форм, в рамках которых могут строиться линии развития, но сами задачи возраста или конфликты возраста остались прежними.

Так как границы школы начали расширяться, и появилось большое количество мест и ситуаций, где дети могут получать новый образовательный опыт, то задачей современного педагога является скорее не передача знания, а передача способа ориентироваться в большом количестве информации, поступающей ребёнку. При этом подростковый возраст по-прежнему является самым волнующим для педагога. Даже, правильнее сказать, не для педагога, а для «взрослости», которая рядом. Здесь намекаю на распределённую позицию взрослого, которая удерживается между предметами или «над предметами».

Наиболее адекватными формами, через которые можно работать с подростком, являются исследование и проектирование. Они отвечают важным требованиям: это место поиска ответа на интересующий вопрос, это место, где подросток может совершать именно СВОЁ действие, тем более, там есть интрига и ситуация поиска, которая цепляет и увлекает.

Особенность состоит в том, что вся работа происходит в нескольких предметных областях, и здесь требуются не только предметные умения, но и метапредметные компетентности, например, критическое мышление, эффективная коммуникация, конфликтная компетентность, умение работать в команде и т.д. Это является и основой для того, чтобы выполнять исследовательские и проектные задачи, и тем, что в ходе выполнения этих задач формируется. А значит, у современного учителя в замысле должны проектироваться результаты такого типа.

Главный и основной принцип работы — надо не сопротивляться подростковому возрасту (подобно подросткам), а использовать ту мощную энергию, которая кроется в этом возрасте. То есть, когда подросток сопротивляется, не пытаться его «приструнить», а само его сопротивление сделать предметом совместной рефлексии. Это как раз ситуация, где конфликтную компетентность можно обсуждать и развивать.

Такой ход нами обычно и используется в работе с подростками: создание ситуаций, где востребованы метапредметные компетентности, затем выстраивание рефлексии этих действий. Например, в тренинге мы говорили про конфликтную компетентность и умение разрешать конфликты, затем ребята начинают работать над совместным проектом. Проявить в возникающих ситуациях ту самую конфликтную компетентность

является для них задачей трудной и превосходящей их умения, но сам факт принятия «вызова», спрятанного в задаче, и является признаком конфликтной компетентности.

Чтобы подросток смог сделать выбор, куда пойти учиться, и потом не сожалеть о нём, должны быть созданы определённые условия. Необходимо, чтобы сначала подросток вступил в другой возраст, а уже из него совершал свой профессиональный выбор. Важно, чтобы он за подростковый возраст прожил этап самоидентификации, совершил разные пробы в разных сферах, пережил миллион всего, что интересно и «как в последний раз», и только потом из юношеского возраста, где базовое представление о себе уже выстроено, где взрослым всё доказано, он решал вопрос о профессиональном пути. Если кратко, взрослым надо «строить» возраст.

То же самое с малышами: нужно создавать все условия, чтобы малыш как следует наигрался, освоил много разных игровых ролей, тогда ребёнок будет настроен на образование, и его «отпустит» предыдущий этап.

Творить и создавать вместе: Елена ЕМЕЛЬЯНОВА, маркетолог



Моей дочке Пелагее не было ещё и пяти месяцев, когда она познакомилась с краской. До сих пор помню этот расфокус в глазах от яркости цвета и хода краски по белому листу. С того момента мы практически каждый день пробовали творчество, и ей нравилось получать этот неповторимый опыт яркого мира.

Сейчас Пелагее 2.5 года, и мы продолжаем творить каждый день. Когда мы рисовали или лепили, я иногда комментировала процесс, а иногда молчала, давая возможность подумать ей самой. Материал для работы старалась разнообразить: краски, масса для лепки, карандаши удобной формы (в форме толстой палочки или яйца), бусины, пена для бритья и даже фруктовые пюре.

У нас никогда не было чётких заданий нарисовать что-то. Мы просто рисовали, смешивали краски, размазывая их по листу или предмету, просто лепили, что придётся. И, поверьте, это очень важно — наблюдать за творчеством вашего ребёнка, а не поправлять его, надеясь на наилучший результат. Пелагее до сих пор не перестаёт меня удивлять своим творческим мышлением: как из трубочки и пластилина сделать поезд, или как выгрызть печеньки в виде зверей или предметов, нарисовать жёлтую корову, которая объелась морковки, читать инструкцию перед сбором бус и в итоге придумать что-то своё и т.д.

Тут важно не путать понятия творчества и раннего развития. В творчестве мы учимся самовыражаться, наблюдать, концентрироваться, а раннее развитие предполагает обучение навыкам, выполнение конкретных заданий. В творчестве свобода и лёгкость, в развитии — динамика. В творчестве ты даёшь материалы, показываешь, как можно с ним работать, а ребёнок сам додумывает.

Подготовка к занятиям, конечно, была и есть, это обязательный ритуал, в котором мне помогают книги, Интернет и собственная фантазия. Из книг: «Творческое воспитание» Джин Вант ХАЛ, «Как вылепить отфыркивание» Елены МАКАРОВОЙ, «Творчество с малышами. Рисование, лепка, игры с детьми до 3 лет» Натальи КОСТИКОВОЙ, отличные журналы программы дошкольного образования CLEVER/ Раннее развитие по Методике Мадлен ДЕНИ, альбомы Таро ГОМИ. Обычно я готовлюсь один раз в неделю, посвящая этому процессу целый вечер.

С возрастом занятия стали разнообразнее, тут и аппликации, и папье-маше, но суть осталась одна: дочка сама выбирает своё творчество! Взрослый мир привык добиваться результатов, порой очень сложно не подрисовать нужные детали, чтобы рисунок хоть чуточку был похож на правду. Но этим навсегда можно отбить желание заниматься творчеством. Пусть вы не увидите результат сегодня, вы увидите его завтра обязательно!

Текст _Александра МАРКЕВИЧ

Сложное непостоянное человеческое счастье

Психолог Ксения ПОЗНАНСКАЯ несколько лет работала с детьми-сиротами, поэтому даже самые сложные психологические явления умеет объяснить так, что смысл доходит и до головы, и до сердца. Со специалистом мы говорили о любви и старости, самолюбленности и горьком разочаровании от жизни.



Редакция обращает внимание: эта статья не призвана дать исчерпывающие ответы о предназначении человека и смысле существования. Но, возможно, объяснит, почему мы наступаем на одни и те же грабли, грустим и тоскуем и никак не можем пересечь границу, которая отделяет нас от счастья. Итак, добро пожаловать в кабинет психолога.

— Кажется, каждый в глубине души знает, что нужно в себе поменять, чтобы дать жизни новый виток, но почему мы этого не делаем?

— Меняться трудно, потому что это всегда разрушение системы. Хоть нас что-то в ней не устраивает, нам всё равно уже комфортно, ведь всё создавалось годами. Мы изучили себя: знаем, где может быть больно и трудно, а перемена — шаг в неопределённость. Иногда измениться не получается, потому что это просто выше внутренних сил человека, ему не хватает ресурсов на преобразование себя, хотя с течением жизни мы обычно всё равно растём, движемся куда-то, совершенствуемся. При этом никому не нужна бесконечная гонка, стоит смириться с тем, что нам нужны периоды отдыха, лени — они помогают. И если есть тенденция к движению вперёд, то взлёты и падения на этой дороге — это нормально. Нельзя идти вперёд всегда.

— Как вы относитесь к научно-популярной литературе по психологии? Книги под похожими заголовками: «Измени себя сам», «Тысяча способов завоевать мир»... Помогают ли они решить проблемы?

— Это может быть сравнимо с походом в аптеку. Заболели вы гриппом, но сердце, почки, желудок здоровы. Скорее всего, вы купите первое попавшееся средство из рекламы, оно поможет, и всё будет в порядке. Но если проблемы с другими системами организма всё-таки есть, и вы приняли не то лекарство, оно может не только не вылечить, но и навредить. В случае с литературой по психологии так же: её лучше читать людям с критическим мышлением, крепкими жизненными устоями, тогда будет польза. Если имеются глубинные проблемы, то психологическая нагрузка увеличится.

Лучше разобраться, почему мы читаем такие книги? Наверное, хотим понять, где мы недостаточно хороши. Стоит задуматься, это реальный недостаток или мнение других? Сейчас много людей не могут найти место в жизни, страдают

от депрессии и психических атак, их мучает неудовлетворённость собой, тревожность.

— Почему так?

— Очень возрос уровень социальной желательности. Общество ждёт от человека быстрого взлёта. Ещё подростком нужно выбрать путь, отучиться, найти работу, через 5 лет разбогатеть... А в жизни так бывает далеко не всегда. Можно найти свое дело и в 50 лет. Всё осложняется ещё и потому, что сейчас люди массово не знают, чего же они хотят. Когда мы принимаем решение, слишком много голосов вокруг: мама, папа, друзья, учителя, реклама, общество в целом.

— «

Нужно садиться и разбираться, примерять на себя образы. Представить, как выглядит моя жизнь через 3 года, через 5. Что нравится, что категорически нет. Важно ощутить удовольствие от будущего себя, которого вы представили.

»

— Практически все хотят счастливую крепкую семью, но такие союзы редки, и мало кому удаётся пронести любовь через всю жизнь... Как психологи изучают чувство любви: от чего зависит, будет ли оно долгим и счастливым?

— Как любое глубокое психологическое явление любовь вряд ли когда-то будет изучена до конца. Если говорить не совсем научно, останавливаясь на самой сути теорий, то существует, например, социальный подход — что мы выбираем человека, исходя из нашего социального статуса, более-менее объективно оценивая, как мы станем жить, насколько хорошо будет устроен наш быт. Другая версия, условно гуманистическая, говорит о том, что мы оцениваем в первую очередь личность человека и значимость её для нас.

В психоаналитическом подходе акцент на бессознательные импульсы, которые мы не всегда можем распознать, возможно, идущие из раннего детства. Существует семейно-системная теория, согласно ей, в голове заложен определённый сценарий, как должна строиться семейная жизнь,

представления о партнёре; такие установки и мифы передаются из поколения в поколение. Наконец, есть чисто биологизированная теория: мы влюбляемся за счёт гормонов, улавливаем запах, оцениваем внешний вид с точки зрения продолжения рода. Пожалуй, последняя модель мне совсем не близка.

Часто задают вопрос: искать свою противоположность или человека похожего? Трудно судить, но гармоничные пары — как совместимые детали пазла. В одном чего-то нет, но другой дополняет, и они вот так существуют вместе. Бывает, что люди совсем разные, но у них общие точки соприкосновения, и в целом система получается сильная и устойчивая. Опять же кому-то нужна вечная борьба, а другие ищут гармонии.

Распространённая проблема, из-за которой распадаются многие пары, — сильная зависимость друг от друга. Человек не крепко стоит на ногах и становится нагрузкой для другого. Это не хорошо, потому что первый так никогда не воспитает в себе стержень, не будет самодостаточным, а значит, счастливым. Получается не здоровая любовь, а удовлетворение своих потребностей за счёт любимого человека. Например: я не хочу быть одна, потому что это страшно и одиноко, мне кто-то нужен рядом. В этом случае, когда появится «кто-то», он будет не самоценен, потому что рассматривается не как личность, а просто средство для удобства. Правильная модель: нам хорошо без него, но с ним лучше. К этому надо стремиться, иначе получится: любимый постоянно должен решать мои проблемы.

— Но если мы будем слишком самодостаточны, может быть, нам уже не понадобится кто-то рядом вообще?

— Я встречала людей, которые не хотят семью, это духовные деятели, которые посвятили себя религии, науке или искусству. В большинстве же, когда человек транслирует, что ему никто не нужен, скорее, он обманывает себя. Может быть, потому что внутри боится близости, ответственности, искусственно отгораживается от всех, ещё и публично превышает свою самодостаточность для того, чтобы скрыть страхи, которые сидят глубже.

— Как любовь к самому себе, к которой современное общество нас призывает, соотносится со скромностью? Зачем это лишнее самолюбование?

— Любовь к себе и скромность соотносятся прекрасно! Истинную любовь не хочется вы-



ставлять напоказ, потому что это глубокое внутреннее понимание про себя: я человек со своими недостатками и достоинствами, есть люди, которые меня любят. Это похоже на уважение. Меня в себе, может, не всё устраивает, но я знаю, что справлюсь и не подведу. На такой путь помогает встать работа над собой: иногда мы можем изменить себя в лучшую сторону сами, иногда для этого нужны друзья, учителя, которые помогают осознанно или нет.

А самовлюбленность как раз демонстрация внутренней пустоты, слабости. Из желания их компенсировать, чтобы другие ничего не заметили, человек ведёт себя чересчур самоуверенно и неискренне.

— Иногда есть ощущение ямы, когда всё не ладится, ты переживаешь разрыв или потерю, на работе череда мелких неудач... Как выкарабкаться?

— Иногда нужно упасть на дно, чтобы оттолкнуться от него и всплыть наверх — эта фраза, произнесённая одним из учителей, однажды спасла меня. Как раз была ситуация — хуже некуда. Кризисы случаются, но нужно принять их как неотъемлемую часть жизни. Это нормально: и падать, и болеть, учиться преодолевать подобное, становиться сильнее, чтобы при следующем подобном толчке уже не останавливаться. Конечно, можно сломаться, но попробуйте найти в себе ресурс, который будет поддерживать: творчество, друзья или интересная работа. Пусть всё плохо, но есть какая-то частичка меня, которая над чем-то трудится. Я делаю что-то важное, вдохновляюсь, а потом иду дальше разгружать свои проблемы.

— А когда в будущем не находятся опоры? Например, человеку за 50, он потерял семью и о другой уже мечтать не может. Как и зачем жить дальше?

— Всё зависит от конкретного человека в такой ситуации... С годами шансов на преодоление меньше и меньше, но, как писал психолог, которого я очень уважаю, Виктор ФРАНКЛ, нужно попытаться найти смысл в своём страдании. Если увидеть, зачем я всё это переживаю, что оно мне даст, тогда появится возможность преодоления. Путь всё равно не будет лёгким, но станет возможным. Сам Виктор Франкл пришёл к этой мысли, находясь в концлагере, в условиях, когда выжить очень сложно, многие ломались и умирали у него на глазах. Если знаешь «зачем», можешь выдержать любое «как» — тезис с этим смыслом принадлежит Виктору Франклу. В лагере он увидел смысл выживания в том, чтобы написать книгу и донести до людей знание, которое обрёл. Так и получилось, он освободился и стал психотерапевтом, разработал свою терапию, которой пользуются до сих пор, и она помогает.

Оказавшемуся в трудной ситуации в таком возрасте нужна помощь других. Поход к психологу, скорее всего, не поможет, потому что будет сложно довериться незнакомому человеку, тем более, если он моложе. Поддержку лучше искать в родных или полезном деле. Многим помогает религия или помощь тех, кто попал в аналогичную ситуацию.

— А как вести себя близким, чтобы вытащить человека из депрессии?

— В стадии острого переживания горя наступает полная апатия: человек может лежать сутками, это опасно, потому что затягивает. Нужно мягко заставить делать хоть что-то: сегодня убраем в квартире, завтра идём в магазин, через месяц хоть какой-то выход в люди. Человеку нельзя оставаться в болезненном одиночестве, оно, безусловно, нужно, чтобы пережить беду, но не должно быть постоянным и всепоглощающим. Запаситесь терпением, будьте рядом, слушайте, оказывайте искреннее внимание и заботу.

— Многие к старости оглядываются назад, подводят итоги жизни и... оказываются неудовлетворёнными: работали всю жизнь, а денег нет, много не получилось, так что теперь очень горько.

— Мы живём в стране, где у пенсионеров остаются не удовлетворёнными базовые потребности: в хорошей еде, в безопасном жилище... И оставаться самим собой, верить в лучшее возможно, только если есть очень важная цель, духовная задача, например, воспитать внуков, дольше радовать детей. Если с детьми и внуками хорошие отношения, пусть даже вы не можете купить им подарков на Новый год, гораздо важнее — встречи, разговоры, совместное пребывание на природе. Попробуйте осознать: быть вместе день за днём, разделяя радость и горечь, уже большая ценность.

Финансовое благополучие, конечно, прибавляет комфорта и уверенности в завтрашнем дне, но не гарантирует счастья. Богатые плачут, в это

время в Индии жители, несмотря на ужасающую бедность, способны излучать лучезарную радость.

— Означает ли это, что счастье — выбор, и счастливые люди очень редки?

— Действительно, счастливых людей мне встречалось мало. Немногие способны, несмотря на трудности, оставаться счастливыми. «Пусть сегодня грустно, но в глобальном смысле всё хорошо, и я счастлив» — редкая позиция. Многие разрешают своему горю и неудачам поглотить жизнь. На мой взгляд, это большая недоработка и людей, и общества. В России переживание горя возведено в культ. Это в крови, в воспитании, в культуре.

— Можно ли что-то изменить, или это утопия?

— Мы обязаны предпринимать шаги. Если семья не способна вложить в ребёнка понимание, что жизнь — это прекрасно, и надо не заикливаться на неудачах, то это должен сделать кто-то другой. Здесь я как раз вижу свою маленькую миссию — помочь запутавшимся клиентам, своим близким. Чем больше разобрались в себе, тем больше они будут помогать окружающим обрести новый взгляд и воздействовать благостно на локальном уровне. Может быть, произойдут изменения, не знаю. Будем надеяться.

— А почему вы стали тем, кем стали?

— Моя мама психолог, а потом я уже сама в школе увлеклась психологией, прочла книгу про организацию человеческой памяти и умственных способностей. Впервые узнала о законе кратковременной памяти; оказывается, за пару секунд человек может запомнить от трёх до семи слов, букв, символов. Ещё интересное явление, которое наверняка замечал с собой каждый: когда ты узнаёшь что-то новое, поразительное, вдруг начинаешь повсюду это замечать: оказывается, об этом говорят, показывают в фильмах, пишут в книгах. Будто информация нарочно стекается к твоему сознанию. На самом деле всё как было, так и осталось, просто наше внимание не фокусируется на совершенно незнакомых вещах, а как только они узнаны, мозг начинает цеплять эту информацию из окружающего мира.

— В процессе обучения был момент разочарования или удивления? Скажем, психология, оказалась не тем, что вы представляли.

— Как и большинство студентов я думала, что психология даёт чёткие ответы на вопросы: в таком-то случае делай так-то. На самом деле универсальных ответов, даже объяснения одного психологического явления не существует. Какую теорию ты возьмёшь в рассмотрение, такие результаты и получишь.

Конечно, учиться было интересно. Например, на психофизиологии исследовали протекание психологических процессов: проверяли себя на детекторе лжи, отвечали на вопросы, наблюдая реакцию, определяя степень равнодушия к той или иной теме. Есть много интересных приборов, но большая часть нашей работы — внутри нас, профессиональный психолог обязан много работать над своей личностью.

— Помогает ли вам психология в жизни? Наверное, каждую проблему можете рассмотреть с разных сторон, теорий и принять решение?

— Каждому психологу нужен психолог, чтобы понять свои особенности. Мы меняемся, нужно осознавать новые социальные статусы, анализировать, как они повлияли на твою личность. Это не просто, требуется много читать, разговаривать с коллегами и учителями по жизни.

« »

Например, мне пока сложно работать с депрессивными людьми, потому что это кропотливый труд, который приносит результат по крупницам и очень медленно. Это меня истощает, я становлюсь не эффективной; победить себя в этом плане — задача на будущее.

« »

— Я знаю, что вы работали психологом в детском доме. Непросто было решиться прийти туда?

— Когда туда шла, рисовала картинки неблагополучия, несчастных детей в оборванной одежде, но увидела ораву смеющихся ребяташек: они играли, приставали к взрослым с вопросами.

Бросилась в глаза увлечённость коллектива своей работой, и я решила остаться.

В детском доме кабинет психолога всегда открыт: ребяташки любят беседовать, им этого не хватает, потому что воспитатели намного старше их, строже: умывают, воспитывают, напоминают делать уроки. У меня же были другие функции, и дети вполне могли попросить сделать с ними английский или решить задачу. Нужно общение, а на какую тему — неважно. Иногда садились рядом и обнимались.

— А задавали ожидаемые вопросы: почему бросили именно меня?

— Эта тема всепоглощающая, и о ней молчат. У детдомовских особенная пустота внутри, которая сильно ощущается на подсознательном уровне, и заполнить её может только папа и мама: кровные или замещающие. Брошенные ребяташки будто голодные: они ищут теплоту, поддержку, заботу, но объятия их всё равно остаются холодными. Все как один мечтают о семье.

— Работая в детском доме, вы убедились, что все наши проблемы из детства?

— Воспитание нас формирует, а всё остальное — уже наслоение на основу. Но дети, которые например, пережили насилие, не обязательно станут насильниками. Они просто не научились доверять взрослым, а когда не доверяешь никому, сам становишься человеком ненадежным, потому что не знаешь, каково это — быть опорой и защитой.

« »

Другая история, когда у ребёнка есть всё, и он рискует вырасти потребителем. Тут важно помнить: для каждого возраста есть свои обязанности, которые сын или дочь должны выполнять, а родители с них спрашивать. Компьютер, игрушки — это только вознаграждения за работу, а не так, что чадо дни напролёт проводит праздно, а мама ещё и покушать несёт. Так мы растим людей, не способных к действиям и решениями.

« »

— Где вы трудитесь сейчас?

— Преподаю в СФУ на кафедре психологии развития и консультирования, также в университетской психологической клинике веду бесплатное психологическое консультирование. Мы проводим мастерские и мастер-классы для всех желающих.

— Помогать бесплатно — это важно?

— На самом деле бесплатная помощь менее эффективна, когда человек платит за услуги, которые получает, он их больше ценит. В бесплатных группах только одна женщина работает тщательно, у неё заметен прогресс; остальные то уходят, то приходят, если трудно — бросают.

— Ксения, подводя итог нашей беседе: что за странное существо человек? Мы хотим быть лучше, но ленимся; безответственны, но жаждем больших свершений; осознаём собственные недостатки, но оставляем их без изменений; стремимся к счастью, но замыкаемся в горе?..

— Человек — существо сложное, многогранное, при этом не всегда умное, чтобы эти грани в себе сочетать. Для кого-то выходом из порочного круга является религия, она даёт смысл и важность бытия. Я пока не нашла опору в вере, для меня это скорее система знаний. Но верующих клиентов очень поддерживаю, потому что человеку нужна идеология, глубокие нравственные духовные основания.

— Два года назад в журнале «Русский репортёр» было опубликовано интервью с Ирвином ЯЛОМОН, его называют самым великим психотерапевтом современности, Фрейдом наших дней. И когда его спросили о смысле жизни, он ответил, что смысл в любви и занятиях любимым делом.

— Очень уважаю этого человека и полностью с ним согласна. Увы, постичь истинную любовь и найти своё дело не всем дано. Если узнали одно из двух, уже нужно быть благодарным и Вселенной, и себе за то, что это пережили.

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА

Реконструкция
немецких
микрорайонов —
бывшие хрущёвки
переделаны
в городские виллы



Микрорайон в свободном полёте

«Новое качество жизни красноярцев» — так интригующе была обозначена главная тема дискуссии урбанистической конференции, проведённой в нашем городе осенью силами московских гостей. Но почему интригующе? Да просто в ходе дискуссии так и осталось непонятным, какой знак — плюс или минус — к этому новому качеству следует применить. А выбор темы, спору нет, вполне оправдан — качество жизни у нас и вправду новое, ранее нам неведомое, местами без школ, поликлиник и детских садов. То есть всего того, ради чего и была когда-то придумана планировочная концепция застройки городских территорий под названием микрорайон.

Что же происходит с этой концепцией? Каким трансформациям сегодня подвергается микрорайон и почему? Со всем этим поможет разобраться Ирина Валериевна КУКИНА, заведующая кафедрой градостроительства Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета.

Оазис социальных благ, или Почему летают самолёты

«Как говорят в профессиональной среде, на микрорайон наехал автомобиль, — говорит Ирина Валериевна. — Когда микрорайоны только начинали строиться, у нас на тысячу жителей приходился один автомобиль. А сегодня этот показатель негласно составляет 1,2 машины на семью. Потому наши микрорайоны теперь прорезаны транспортными потоками, как и квартальная застройка. А ведь микрорайон как планировочная концепция задумывался в первой половине прошлого века именно как территория, где ребёнок без родителей может выйти из подъезда и безопасно пройти по зелёным благоустроенным дорожкам не только до школы, но и до детского сада. Микрорайон мыслился как территория, где в пешеходной доступности жители имеют школы, детские сады и магазины, первичное медицинское обслуживание и прочее, чего не может дать квартальная застройка».

Да, задумка была красивая. Её авторами принято считать англичанина Томаса АДАМСА и американца Кларенса Артура ПЕРРИ, который в 1929 году обнаружил идеальную схему городского микрорайона. Будучи идеальной, эта схема, конечно, не могла не вдохновить строителей идеального общества. Обоснование целесообразности возведения микрорайонов, данное в 1946 году архитектором А.А. ГАЛАКТИОНОВЫМ в своей диссертации, звучит как песня: «население микрорайона будет изолировано от развивающегося городского транспорта; население города получит зелень вблизи своего дома и будет изолировано от городской суеты; отдыхающее население и дети получают тихие безопасные пути движения; открытые свободные пространства обеспечат развитие физкультуры, и природа будет окружать человека в городе». Да-да, именно так. Предполагалось, что микрорайон будет

включать в себя не только полный перечень объектов обслуживания, но и общий сад, располагающий жителей к активному отдыху, приятно общению или спокойному созерцанию.

Вот такая рисовалась идиллическая картина. И хотя идея высказанная и идея реализованная — это несколько разные вещи, тем не менее такие образцово-показательные микрорайоны, как Новые Черёмушки в Москве и Академгородок в Новосибирске, получились достаточно убедительными.

В них было задействовано буквально всё, что на тот момент считалось прогрессивным: и приближенность первичного обслуживания к жилью, и разнообразие площадок для активного и пассивного отдыха среди зелени, и непрерывное пешеходное движение.

Это было воистину новое качество среды. Неудивительно, что идея микрорайона быстро нашла отклик в странах социалистического лагеря, перед которыми, как и перед Советским Союзом, тогда остро стояла задача реконструкции разрушенных войной городов. Идея панельного домостроения, обеспечивающая быстрый рост объёмов вводимого в эксплуатацию жилья, по той же причине тоже оказалась востребованной. (Впрочем, микрорайон укрепил позиции и много западнее.)

Однако во всём есть свои как положительные, так и отрицательные моменты. И речь не только об унылом однообразии полученной среды. Централизованная поточная система индустриализации строительства на пару с принципом «бери, что дают» лишила горожанина возможности хоть как-то влиять на процесс, превратив в пассивного потребителя. И как показало время, надолго. Даже когда брать пришлось за немалые деньги, активности у населения особо не прибавилось.

Деньги... У нас они мерило всего и вся. На уже упомянутой конференции один из городских застройщиков задал аудитории вопрос: «Что поднимает самолёты в воздух?». И пока народ извлекал из памяти подъёмную силу крыла, развеселил присутствующих тем, что сам себе ответил: «Деньги!». Но ничего весёлого в этом ответе нет. Ведь следуя этой логике, на вопрос о том, что заставляет самолёты падать, придётся дать тот же ответ — деньги. И усталость пилота или диспетчера, и усталость металла, и бомба террориста — это всё, конечно, деньги.

Вот и заставленные машинами дворы, отсутствие скверов, школ, детских садов и поликлиник в совсем новеньких, якобы современных микрорайонах — тоже деньги. Так что идея микрорайона у нас полностью дискредитирована разгулом ничем не сдерживаемых накопительских инстинктов одних наших граждан и полным инфантилизмом других. Тех, кто наивно полагает, что вкладывая в квадратные метры, не вникая в качество окружающей их среды, он будет обеспечен до конца своих дней. И здесь очень жаль связанных ипотекой людей, кто, нуждаясь в крыше над головой, просто не имеет выбора.

Но что сегодня с микрорайоном происходит там, где всемогущие деньги всё же знают своё место и не выходят за пределы отведённой им роли?

Работать дома и отдыхать в собственном саду

По словам Ирины Валериевны Кукиной, сегодня за рубежом в градостроительной практике доминируют гибкие подходы и комбинирование самых разных идей. Происходит своеобразная конвергенция когда-то взаимоисключающих друг друга принципов застройки — квартала и микрорайона. И это коснулось не только внешней стороны дела.

Например, микрорайон предполагал вынос труда за пределы жилой единицы. И это было принципиально. А сейчас совершенно нормально воспринимается стимулирование деловой активности непосредственно на территории, занятой жильём. Так, в Дрездене и Берлине построенные в 1960-1980 годах по нормативам ГДР микрорайоны были подвергнуты радикальным изменениям, основанным на принципах многофункционального развития и обновления застройки. В результате за пять лет существования программы по содействию микрорайонному предпринимательству значительно возрос процент занятости населения, работающего на дому.

В настоящее время внедрение трудовой деятельности в пространство микрорайонов происходит повсеместно. Например, в Европе в 1995 году на дому работало менее четырёх миллионов человек. Но уже в 2003-м их число превысило шестьдесят миллионов, что составило более восьми процентов от всех работающих европейцев.



Всё большее развитие получает и так называемая концепция SOHO, обеспеченная достигнутым уровнем информационных технологий. Они дают возможность организовывать коллективную работу, не собираясь под одной крышей, что позволяет не тратить время на перемещения по городу и экономить на аренде офисов. Следствием тенденции совмещения функций жилья и работы стало внесение корректив в развитие устоявшейся концепции микрорайона, спрогнозовав в его пределах появление так называемых коворкинг-центров, строительство домов-мастерских и квартир-студий для представителей рынка фриланс-услуг.

Пусть не в такой степени, но подобные изменения в занятости населения произошли и у нас. И это тенденция будет сохраняться. Несмотря на то что наш город промышленный и таковым останется, считает Ирина Валериевна, у нас уже нет и не будет той тотальной занятости в промышленном производстве, как было относительно недавно. А это значит, что трудовая активность будет отвоевывать себе пространство на жилых территориях. Бизнес уже пришёл на территорию микрорайона. Сегодня практически ни один жилой дом не проектируется с жильём на первом этаже.

Хотя и жителям первых этажей можно предложить нечто интересное, как это делают немцы. И не только в строящихся микрорайонах, но и при реконструкции старых. В Германии существует целая типология первых этажей — от кафе и магазинов до частных садиков с отдельным входом в квартиру. Хотите жить и иметь рабочее место на первом этаже на активной пешеходной улице? Пожалуйста. Хотите иметь свой садик и отдельный вход в квартиру — берите первый этаж вдали от пешеходной улицы.

Говоря о микрорайоне, нельзя не упомянуть и о квартальной застройке, о преимуществах которой сегодня всё чаще вспоминают. В числе важнейших при этом называют стимулирование появления сообществ собственников, активно участвующих в процессах городского развития и управления. Цель же возвращения к кварталу — разделение дворового и уличного пространства, разнообразие фасадов, избавляющее от монотонности застройки, строительство низкоплотного жилья высотой не более девяти этажей.



А так строят в Красноярске

Правда, не совсем понятно, что мешало разнообразию фасадов и снижению этажности в микрорайонах. И как-то не получается избавиться от опасений, что высотность и в кварталах останется за пределами.

Немного о гуманизме и взрывном деле

Если говорить о преобразовании микрорайонов старой застройки в Красноярске, то в нашем городе образцов не найти. Все преобразования у нас ограничиваются уплотнением в виде точечной застройки, появление которой никак не связано с желанием хоть как-то облагородить городское пространство. А потому, хорошо понимая, что Москва по причине совершенно других возможностей не может служить Красноярску

примером, всё же поинтересуемся у нашего эксперта, как преобразуются старые микрорайоны в столице.

«В настоящее время над этой темой там работают известные архитекторы, такие как Сергей ЧОБАН, — делится Ирина Валериевна. — Они, войдя в эти старые советские микрорайоны, делают предельно корректную реконструкцию. Разумеется, с новым строительством. Но ни о какой точечной застройке методом уплотнения речь не идёт. Строятся не многоэтажные башни, а маленькие комплексы домов, конечно, уже с новой архитектурой и другим качеством жилья. Эти новые постройки идеально вписываются в застройку, повышая привлекательность старых микрорайонов. При этом существующее озеленение сохраняется полностью».

Если говорить о зелёных пространствах, то и за рубежом, и в нашей столице зелени всё чаще достаётся больше места, чем застройке. Потребитель там всё более склонен приобретать не квадратные метры, а среду. И вообще, сейчас общей и повсеместной тенденцией в проектировании, строительстве и реконструкции стал разворот в гуманитарную сторону. Там, где изначально негуманную застройку не получается привести в соответствие с современными требованиями, её просто взрывают.

Так, микрорайон Rguitt-Igoe в Сент-Луисе, не простояв и двадцати лет, был объявлен зоной бедствия и взорван. Микрорайон Red Roud в Глазго, который после пожара 1977 года с трагическими последствиями стали стремительно покидать жители, окончательно снесли в прошлом году, взорвав последние 32-этажные башни. И этот список можно продолжить.

Возможно, подобное предстоит увидеть и нам. Много из того, что сегодня в нашем городе выдаётся за современное жильё, в лучшем случае вызывает недоумение, так как приобретает признаки будущего гетто ещё до сдачи в эксплуатацию. Эти признаки обнаруживаются не только в большом (отсутствие школ, поликлиник и детских садов), но и в малом.

Например, на улице академика Киренского, вблизи её пересечения с улицей Михаила Годенко, у новых жилых высоток детская площадка только что не нависает над проезжей частью.



Конечно, во избежание несчастных случаев она огорожена главным украшением нашего города — сплошным серым металлическим забором. Но чем там дышат дети? Однако по этому поводу можно не волноваться. Деток там по понятной причине мамочки предпочитают не выгуливать.

Удивительно, но люди, проектирующие и строящие якобы современные микрорайоны, и те, кто разрешает их строить, большей частью выросли в хрущёвках, которые с самого начала подвергались нещадной критике и осмеянию. И это в то время, когда у безликих пятиэтажек было серьёзное оправдание — значительная часть населения после войны десятилетиями жила в бараках и даже вагончиках. Какое равноценное этому оправдание найдёт своим действиям сегодняшнее поколение? Соизмерим ли наш так называемый кризис с бедствиями жестокой разрушительной войны?

«Подъёмная сила» в ожидании правильных «крыльев»

Современное проектирование и реконструкция застройки жилых территорий требует от проектировщиков умения смотреть на них «глазами обитателей». Для этого в мировой практике существуют и успешно применяются действенные методы вовлечения населения в решение градостроительных задач, закреплённые законом.

Законодательная база, определяющая механизмы регулирования жилой среды, за рубежом была сформирована лет сорок назад, а тема самоорганизации городских сообществ давно стала постоянной для всевозможных научно-практических конференций, проводимых на самом высшем уровне, включая ООН. И результат не заставил себя ждать.

«Согласно немецким программам реабилитации микрорайонов, которыми, кстати, застроена вся Восточная Германия, эти самые микрорайоны по инициативе живущих там сообществ смело разбираются, увеличиваются, объединяются — что с ними только не делается! — продолжает разговор Ирина Валериевна Кукина. — И люди стали возвращаться в эту среду. Лет пятнадцать назад она им не нравилась, и они из неё бежали. А теперь она им очень нравится, и они с удовольствием вступают в кооперативы. И всё потому, что на территории микрорайона уже не проектировщики диктуют, не бизнес, не власти, а вот хорошее такое содружество заинтересованных лиц. И прежде всего кооператив владельцев жилья».

При этом немецкий кооператив — это совсем не наш жилищный кооператив, который владеет домами поквартирно. Немцы владеют своими домами и принадлежащей им территорией по процентно. Это как бы маленькое предприятие, которое по своему усмотрению реконструирует, ремонтирует, передельвает свои дома и благоустраивает территорию. Понятно, что благоустраивает в полном соответствии с принципом пешеходности, не допуская образования транспортных потоков и столпотворения автомобилей во дворах. А какие там сады! Да там просто блеск ландшафтной архитектуры. И это в обычных очень экономичных домах с самыми обычными по размерам дворами.

Вообще, если зайти в квартиру среднестатистического восточного немца, то обнаружится, что они живут очень скромно. Вполне сравнимо с красноярцами по метрам и по предоставляемым услугам. Но сама среда там радикально другая».

Почему же деньги, соизмеримые с нашими, каким-то чудом поднимают немецкий «самолёт» на высоту, о которой мы пока можем только мечтать? Видимо, «крыло» у нас не совсем правильное, некрасивое. А как говаривал конструктор АНТОНОВ, некрасивый самолёт не полетит.

Так сложилось, что в России Градостроительный кодекс хоть и предполагает участие жителей в организации процесса общественных территорий, но сам механизм, обеспечивающий это участие, действует через общественные слушания, которые далеко не всегда эффективны. К тому же отечественный опыт сконцентрирован в первую очередь на зданиях, а не на территории микрорайона.

Да и какой-никакой экономической базы для проявления «активности» у наших микрорайонных сообществ попросту нет. В Германии же совершенно другая картина. Там существует система замкнутого экономического оборота, при котором налоги с малого и среднего бизнеса частично направляются в «казну» микрорайона, что позволяет проживающему там сообществу благоустраивать придомовые территории и развивать социальную инфраструктуру по своему усмотрению. Стоит ли удивляться результатам, когда пространство микрорайона формируют не только проектировщики, придумывающие свою идеальную среду, не только строители, заинтересованные в продаже квадратных метров, но и сами жители, которые и представляют собой самую главную действующую силу.

Редакция и автор благодарят Ирину Геннадьевну ФЕДЧЕНКО, старшего преподавателя кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна СФУ, за возможность использовать данные из её кандидатской диссертации «Формирование жилых планировочных единиц в середине XX — начале XXI века», успешная защита которой недавно состоялась в Московском архитектурном институте.

Текст _ Елена НИКОЛАЕВА

Сосед с историей

Когда-то наша собеседница подбирала персонал для местных компаний. Через неё на «текущие» должности проходили десятки людей. Устраивались поварами, курьерами, менеджерами по залу. «А я смотрю на очередного и понимаю: ну не твоё это! — вспоминает она. — Тебе бы творчеством заниматься, с детьми работать, а ты продавцом идёшь... И всё ради того, чтобы выжить».



Как сделать так, чтобы люди перестали насиловать себя и трудиться из нужды, стало для Татьяны ЛЕНКОВОЙ главным вопросом в жизни. В какой-то момент он перерос в целый проект под названием «Осознанный Я — осознанный Город». Здесь получают вдохновение, а кто-то и «пиннок», те, кто только пытается ответить на болезненный вопрос «Кто я?», и те, кому не хватает смелости стать самим собой.

Внешне суть проста — участники видят простых красноярцев, имена которых не мелькают на городских баннерах и по ТВ, но их дела преобразуют город. За 6 минут и 40 секунд эти герои рассказывают, что такого произошло в их жизни, отчего они, будучи рядовыми сотрудниками, вдруг решили всё поменять и воплотить мечту.

Николай ТРЕГУБОВ, например, поведал сотням человек, как сначала взялся за себя, а затем основал одну из крупнейших школ бега в Красноярске. Теперь уже известная художница Ольга ЛЕВСКАЯ рассказала, что подвигло её сделать первый мазок. А Ксения КРИВОЦУК вспомнила, через что ей пришлось пройти, чтобы попасть в уникальный проект Mom's Bazaar.

После каждого выступления на пару минут наступает полная тишина — чтобы зрители осознали его и взяли для себя всё самое полезное. После такого почти у всех участников загадочным образом меняется жизнь. Кто-то находит себе новое хобби, начинает устраивать собственные мастер-классы, находит бизнес-партнёров, решает на своё дело и даже на переезд в другой город.

Сама автор идеи называет происходящее конференцией. Первая прошла в мае в Красноярске, ко второй, сентябрьской, к нашему городу присоединилась Пермь. В режиме онлайн за историями красноярцев и пермяков следили жители Израиля, США и Австралии. Третья конференция пройдёт 10 февраля, и к ней присоединятся ещё пять городов России, Украины и Латвии.

— Таня, твой проект всего за полгода стал практически брендом Красноярска. Когда ты начала вынашивать его идею?

— Наверное, всё пошло с тех пор, когда я сама задалась вопросом «Кто я и что является делом моей жизни?». Долго искала себя. Ушла из науки, чтобы попробовать себя в разных профессиях — от фотографа до HR-менеджера и управления персоналом. На последней должности я проработала полтора года и всё это время наблюдала, как люди выбирают работу по принципу «соцпакет и стабильная зарплата». Я обалдела от того, сколько людей делают свой выбор вопреки желаниям своей души! А я очень хорошо чувствую других людей. Начала сильно болеть.

Мы все проживаем социальные программы, живём из слова «НАДО» — надо устроиться на работу, выйти замуж, родить. А я не хочу из НАДО, я хочу от ДУШИ. Как жить от души? С таким вопросом я и уехала на полтора года в Индонезию.

— Я так понимаю, не для пляжного отдыха...

— Там я занялась самоисследованием, открыла для себя медитацию, узнала, что весь мир медитирует. На Западе это уже часть корпоративной культуры. Каждая уважающая себя компания имеет комнаты для медитации. Для них это как зубы почистить, а у нас — диковинка.

Исцелялась тишиной — несколько раз уезжала на молчаливые двух-трёхнедельные погружения, чтобы остаться наедине с собой. В таких уединениях многое о себе открывается. Я просто услышала себя, ощутила свою цельность, приняла и полюбила себя, своё тело, которое перестало быть просто такси для моего мозга. Когда вернулась в Красноярск, начала делиться этим с людьми.

— Так ты психолог, раз любишь самопознание, изучение психики людей?

— Вообще, я биолог-эколог. Восемь лет работала в Академии наук учёным-исследователем. Оттуда, наверное, у меня тяга докопаться до истины, измерить, потрогать, понять. Тогда я исследовала техногенные катастрофы, защитила кандидатскую по этой тематике, а потом очень органично фокус моего внимания сместился на людей.

— В какой момент твои индивидуальные практики переросли в массовый проект?

— После Азии я потихоньку начала исследовать обстановку в городе, пробовать разные форматы встреч, занятий. Первый опыт международного сотрудничества случился в марте.

— << —

Я пригласила в Красноярск известного британского клинического арт-терапевта Кита ЛОРИНГА. Хотела познакомить его с нашими психологами. Но реакция людей меня удивила, не было никакого отклика. Это было что-то из серии «Мы сами с усами».

— >> —

Для меня это был урок. Я поняла, что нужно идти не от глобального к частному, а от частного к глобальному.

Тогда и родилась идея конференции «Осознанный Я — Осознанный Город». Мы с моей единомышленницей Татьяной РАТНЕР решили создать пространство, в котором одни горожане вдохновляют на перемены других. Спикерами первой конференции были люди из нашего собственного окружения — те, кто вдохновлял нас самих. Главный критерий — человек сумел изменить свою жизнь и начать делать то, что по душе, при этом его дело преобразует мир вокруг, служит людям. На самом деле мало кто может топнуть ногой и сказать: всё, буду жить иначе. А даже если топнул, то среда может не позволить — близкие, друзья, коллеги заставят сомневаться и в конце концов вернут в то же болото.

— Истории становления «из грязи в князи», как правило, всегда вызывают симпатию. Но почему вы отдали предпочтение не медийным людям, не успешным предпринимателям, например?

— Мы специально отошли от очень известных людей и сосредоточились на обычных людях — соседях, друзьях, знакомых. Это ближе, понятнее и гораздо больше вдохновляет на следующий шаг, чем истории тех, кого мы видим по телевизору. Когда для тебя человек — телевизионный или книжный «персонаж», кажется, что он родился таким, что фортуна сидит у него на плече. Очень большой разрыв.

Когда же речь идёт о соседе, который живёт через дорогу, или о мастере, который смастерил игрушку твоему ребёнку, разрыв сокращается — он же смог, значит, и я смогу. Есть возможность с ним поговорить, спросить совета, попросить поддержки. А истории успеха всегда одинаковые. У каждого случались переломы в жизни, это всегда история какой-то боли или внутренней борьбы.

Когда я готовила спикеров, мы по несколько часов проводили вместе, они раскрывали мне своё личное. После таких встреч я возвращалась домой и на сутки выпадала из жизни. В каждом

человеке такая глубина... Мы и не догадываемся о том, что живёт внутри нас. Многие считают: да кто я такой, серый человек, а на самом деле в каждом из нас целый космос. Нет двух людей с одинаковым опытом. А в чужих историях мы видим то, что «болит» у нас, находим ответы на свои вопросы.

— Сложно ли давалось спикерам выворачиваться наизнанку перед незнакомыми людьми?

— На самом деле раскрыться перед незнакомыми людьми гораздо проще, чем перед близкими. Особенно, если уровень доверия, взаимопонимания, поддержки со стороны близких не высок. Конечно, волновались все — и голос дрожал, и колени тряслись, и сбивались в своих презентациях, но всё это было так естественно и по-человечески. У кого-то была группа поддержки в зале, у кого-то нет. Кто-то радовался этому, кто-то переживал и расстраивался.

У всех были разные мотивы выйти на сцену: попробовать что-то новое для себя, рассказать о своём проекте, подытожить какой-то этап жизни. Но всегда на первый план выходило желание поделиться своим опытом, быть услышанным. Для каждого спикера это были своего рода минуты признания.

— То, что вы устраиваете, в мире называется «Pecha Kucha» (Печа-Куча, с японского «болтовня»). Почему именно такой формат?

— Это совсем другой проект и совсем другие у него задачи. Мы лишь вдохновились его форматом, когда человек доносит свою идею в 20 слайдах, каждый из которых длится по 20 секунд. Спикеру нужно настолько внимательно и целостно продумать свою историю, чтобы затем выбрать и сказать только самое важное, самую суть. Очень часто речь идёт об осознании своей жизненной стратегии. Таким образом, в выступлениях наших героев нет воды, а зрители, по сути, получают серию инструментов для того, чтобы сделать следующий шаг.

Например, презентация Кирилла МЕТЕЛКИНА. История о том, как парень из семьи военных начинал свою рабочую карьеру механиком на заводе, а в итоге пришёл в fashion индустрию. Он учил строение башенных кранов, чтобы суметь поддержать разговор в курилках с заводскими рабочими, а потом выиграть на выборах должность председателя молодёжного комитета. Создавал и прогорал в нескольких бизнесах, приобретая навыки и знакомства. А в итоге создал семью с моделью и так пришёл в мир моды. Таскал тумбочки и вешалки за кулисами европейских подиумов, чтобы разведать всю подноготную того дела и создать свою собственную неделю моды в Белоруссии и в Сибири.

— Кто приходит за «пинком»? Какая она, ваша аудитория?

— Это самые разные люди. В предыдущих конференциях участвовали до 200 человек. Были и совсем молодые — по 20 лет, и люди в возрасте — 50-60 лет. Случайных людей тут нет. Всех объединяет жажда перемен, а для этого нужно вдохновение. Сложно заставить себя меняться в одиночестве. Нам всем нужна поддержка, понимание, вера. Конференция абсолютно неформальная. Ощущение, что ты пришёл в гости к друзьям и единомышленникам. Это дарит каждому участнику чувство причастности, понимание, что ты не один, что с тобой всё нормально.

Истории наших героев говорят всегда об одном — нельзя, находясь в старой парадигме, стать другим. Нужно поменять хотя бы один аспект жизни. Например, ввести режим дня — это тоже усилие! Каждый день вставать по утрам и делать зарядку — это целая внутренняя работа. А когда меняются люди, меняется и их город. ▲



Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Мир, в котором комфортно

Трагические истории с подростками в последнее время случаются всё чаще. Но если бы эти дети, кроме уроков, ходили в центры творчества или молодёжные объединения, если бы рядом с ними были понимающие взрослые, то, может, Струги Красные или школа на Пашенном не стали бы точками горя на наших картах?

О том, почему детям необходимо собираться вместе, кто может и должен их слышать; как дети меняются, обучаясь в Центре детского творчества, и чего не хватает современной школе, мы поговорили с Евгением ЧАЩИНОВЫМ, педагогом дополнительного образования из Перми, кандидатом филологических наук, победителем муниципального и регионального этапов всероссийского конкурса «Учитель года-2016» и множества других творческих соревнований. В Красноярск он тоже приезжал на состязания — Всероссийский конкурс профессионального мастерства работников сферы дополнительного образования «Сердце отдаю детям» и занял второе место в своей номинации.

— Евгений Николаевич, почему именно сейчас о дополнительном образовании заговорили всерьёз? Что лично вы привезли на конкурс?

— Я работаю в Центре детского творчества «Ритм» Перми и руковожу молодёжным творческим объединением «Ровесник», в этом году ему исполнилось 55 лет. Понятно, что «Ровесник» вырос из пионерского и комсомольского штабов района. Но за свою долгую историю он всегда пытался соответствовать времени.

Наш центр работает с подростками 14–18 лет, и для нас очень важно, чтобы каждый смог найти в себе ту уникальность, с которой он хочет жить дальше, может преуспеть, достичь каких-то высот. Именно разделяя эту позицию, я приехал на конкурс, представляя опыт нашего региона и «Ровесника». Кстати, хочу отметить очень хорошую организацию конкурса. Красноярцы — приветливые хозяева. Скажу за всех: мы воодушевлены, вдохновлены Красноярском. Нас возили к Царь-рыбе, это колоссально, очень красиво, захватывает дух. Я вообще люблю города, где чувствуется история.

— Возвращаясь к теме: есть ощущение, что в последние десять лет дети были слегка заброшены?

— Слава богу, к ним повернулись. Взрослые поняли: для ребёнка важен социальный опыт. И это происходит не в классе, сформированном случайным образом, а в группе по выбору, где мы с помощью практик моделирования организуем различные ситуации. Здесь дети могут через игру готовиться к взрослой жизни.

Наши воспитанники, лидеры команды, заняты в организации форумов, встреч, конференций...

— Каких, например?

— Да любых! Например, подросткам нравится сочинять и исполнять рэп — в итоге они сами организовали выступления на маленькой площадке, нашли участников, спонсоров. Из этой инициативы родился фестиваль. Воспитанники «Ровесника» могут участвовать, например, в показах молодёжной моды, в квест-играх. Стать организатором маленькой части большого дела.

— Получается, к вам приходят дети с лидерскими склонностями?

— Нет, не только лидеры и те, кто хочет стать вожатым или театральным постановщиком. У нас учатся школьники, которые нуждаются в обще-

нии. Часто бывает больше тех, кто по разным причинам не может найти себя в классе, у кого не получается реализовать себя в школе. У нас за счёт атмосферы, микроклимата, программы он обретает мир, в котором ему комфортно.

— Как вы считаете, в эпоху информатизации одиночество среди подростков усугубляется или наоборот?

— Я думаю, что подростковое одиночество — это одна из вечных тем. Вопрос — как мы к этому подходим. Конечно, у нас появляются дети, погружённые в мир Интернета, живущие в нём, те, для кого общаться через соцсети гораздо проще, чем вживую. Но эта ситуация переламывается. Такие подростки приходят сначала наблюдать, их сложно вызвать на разговор, на живое общение. Но постепенно наш микросоциум вытаскивает их из этого состояния...

Любой новый человек в «Ровеснике» априори становится своим, частью коллектива. И это подкупает. Представьте: вы приходите, и вам уже рады. Когда тебе 14 или 16 лет, это особенно важно. У нашей системы большой социальный потенциал.

— То есть к вам может прийти любой подросток со своей идеей. Представители субкультур тоже?

— В последнее время как-то не случалось, чтобы к нам приходили такие ребята. Мне кажется, что молодёжные субкультуры вообще подумались, перешли в пространство социальных сетей... Но если придут, думаю, тоже станут частью нашего коллектива. В их увлечениях нет ничего плохого.

Допобразование и направлено на то, чтобы развивать самостоятельность, самопостижение, самоактуализацию. «Кто я», «что я могу», «какое слово мне удастся сказать», «какой опыт я могу предложить другому».

— Как часто проходят занятия вашего объединения?

— Каждый день. У нашей программы четыре направления, и занятия в течение недели идут по каждому из них. Направления такие: «Вектор» — основы работы вожатого и самоуправления, «Пульс» — организация и проведение мероприятий, «Лидер» — развитие лидерских качеств, работа в команде и «Театруля» — создание игровых театрализованных представлений. Всё остальное настраивается на эти основные блоки: ораторское мастерство, дискуссионные клубы, мужской и женский клуб и так далее.

Кроме того, наши воспитанники были и волонтерами различных форумов: нас знают, к нам обращаются за помощью. Мы участвовали в Санкт-Петербургском международном культурном форуме (Международный гуманитарный форум «Русский язык между Европой и Азией», проходил он в Перми), куда приехали прямые потомки Пушкина. Согласитесь, у подростков нечасто бывает возможность увидеть множество людей со всего света, говорящих о русской литературе... Плюс тренинги, мероприятия Центра творчества, районные и краевые конференции. Спектр очень велик. Кстати, именно наш



центр и наше объединение стали федеральной пилотной площадкой российского движения школьников.

— Что представляет собой это движение?

— Оно рассчитано на детей от 8 до 18 лет, это добровольное сообщество, которое неравнодушно к проблемам, готово меняться и менять мир, начиная с себя, со своего двора, класса, школы. Хочется надеяться, что оно не станет формальным, а это зависит от людей, которые будут руководить им.

— Можно ли вообще воспитать лидерские качества? Вы наблюдаете, как дети становятся лидерами?

— Есть тренинговые системы, упражнения. Всё индивидуально и зависит от типа личности, характера, интересов, увлечённости. Но результат нашего обучения всегда виден — порой на короткой дистанции, иногда на отложенной. И очень интересно наблюдать за воспитанниками, как они меняются, буквально с каждым днём, какой становится их социальная ориентация, как они начинают позиционировать себя.

— В Красноярске вы увидели похожие практики?

— У вас удивительный Дворец пионеров, я считаю, так действительно должен выглядеть дворец дополнительного образования. Это, по сути, страна детства. И я познакомился здесь с очень интересными социально-педагогическими практиками. Несколько идей мы вынесли для себя.

— Есть ли у вас ощущение, что дети стали другими, быстрее взрослеют?

— Дети всегда меняются. Но даже взрослея, они сохраняют детские качества: непосредственность, фантазию, творческую активность. Компьютеры, конечно, тоже оказывают на них влияние, но я бы не стал говорить, что это плохо: мы живём в век технологий, надо подстраиваться под это. Нужно любую ситуацию обернуть в успех, создать среду, которая не мешала бы, а помогала. Наверное, это одна из задач современного педагога.

— Как вы считаете, чего не хватает школе по-настоящему?

— Я считаю, что ей «перехватывает». Она перенасыщена знаниевым компонентом. Школу пытаются сделать микрокосмом, а нужно выходить за её границы. К сожалению, дети сейчас проводят в школе по 8–9 часов, это неправильно. Вокруг них должны меняться стены и глаза, мир не должен ограничиваться школьным классом. А вот практического обучения в школе недостаточно.

— Есть ли у вас впечатление, что школа враждебна детям?

— Школа не может быть враждебна! Когда учился я, мне всегда было интересно. Должна, я считаю, быть выстроена система мотивации к обучению, чтобы дети увлекались процессом получения знаний. Нужно нацелить их не на сдачу экзаменов, а на познание. Наверное, сейчас мы как раз стоим на пороге нового представления о школе.

Текст _ Олеся ПОЗДНЯКОВА

Локомотив над пропастью, или Разговоры про искусство на краю

Оказалось, что они испытывают сновидения, размышляют о состоянии непокоя и вспоминают — художников, ощущения, книги. В действительности же — позволяют быть свидетелями, спутниками всем остальным, чтобы пронаблюдать за свободным течением мысли и беседы, противопоставленными классическим интервью. Интервью предполагает цель и устойчивую структуру, но порой не может ни подсказать ответы, ни разъяснить мысль, ни раскрыть тему, запутавшись в собственной механике. Случившийся перформанс обнажил беседу как самостоятельный жанр и стал продолжением музейного контекста.

Важно отметить, что разговор прошёл на фоне видеоинсталляции «куратора № 1» Ханса-Ульриха ОБРИСТА (одного из самых важных людей в современном искусстве), представляющей серию его «интервью» с художниками в формате нон-стоп (для музея сделали и перевели 29 выдержек), ставшей своеобразным оммажем проекту и подтверждающей то, что искусство свободной существует в форме коммуникации. Теперь не опосредованно (картина что-то говорит), а прямо: один человек говорит другому.

Зрители, оказавшиеся рядом, могли «подслушивать», стоя внизу. Результат такого перформанса — текст со встраивающимися друг в друга персонажами, выведенными на поверхность событиями, смыслом и бессмысленностью. Он слушался (а теперь читается) как увлекательный роман, к которому больше нечего добавить.

Справка

Виктор Сачивко — красноярский художник, автор многих персональных выставок, участник международных проектов. Член Творческого союза художников России, Международной федерации IFA «Юнеско». Произведения находятся в частных коллекциях России, Голландии, Франции, Германии, США и Австралии. В этом году победил в номинации «Искусство» премии «ТОП 30. Самые знаменитые люди Красноярска» журнала «Собака».

Виктор Мизиано — куратор, видный теоретик современного искусства, главный куратор российского павильона на Венецианской биеннале 1995 и 2003 годов, в 2005 году — главный куратор первого павильона Центральной Азии, основатель и главный редактор международного издания о теории и практике кураторства «Manifesta Journal: автор книг. Лауреат премии «Инновация» в номинации «Кураторский проект» в 2006 г. за выставку «Искусство Центральной Азии. Актуальный Архив (Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан)»; в 2011-м в той же номинации за выставку «Невозможное сообщество»; в 2016-м за выставку «Избирательное сродство».

Спать или не спать

Сергей Ковалевский: Мы начинаем один из важнейших «разговоров за полночь». Смысл этого разговора — посмотреть сверху на вас, попробовать увидеть что-то далеко, а то и глубоко. Мы договорились поддержать эстафету разговоров о главном с людьми, которые формируют сегодняшнюю повестку.

Виктор Мизиано впервые приехал в Красноярск, это первая его ночь в нашем городе. Первая ночь на новом месте во сне человеку даёт пророческий образ будущего. Мы чутко и внимательно будем слушать Виктора о его первых впечатлениях, связанных с городом, музеем и этим событием. Поэтому первый вопрос — что главное Виктор увидел в Красноярске либо в Музейном центре?

Виктор Мизиано: Поскольку мы в такой странной ситуации, я бы сказал, что представить себя в таком виде я мог бы раньше разве что во сне.

Я вспоминаю на самом деле о том, насколько тема сна важна для современной культуры, насколько она вообще начиналась с открытием сна. Вспомним романтическую поэзию. Много значила тема сна для сюрреалистов, которые взяли её у Зигмунда ФРЕЙДА. Как источник революции, преобразования, а в таком музее, как этот, это тоже стежок, который имеет смысл. И я вспоминаю ещё одного важного автора, особенно для нас, для людей современной русской культуры — Илью КАБАКОВА. Для него тема сна — тема необычайно важная.

С.К. Я видел большую инсталляцию Кабакова «Санаторий сна» как раз в галерее «Серпентайн», рассказ о которой у нас за спиной происходит (в этой галерее Обрист делал свои «интервью» — прим.), это неслучайно ты вспомнил.

В.М. Да, и я помню, как после довольно долгого проживания за границей Илья Кабаков вернулся впервые в Москву с тем, чтобы открыть огромную выставку в «Гараже». На открытии, когда Илью постоянно просили, чтобы он дал какое-то интервью, он довольно раздражённо говорил: «Вы разве не видите, человек спит, зачем вы его дёргаете». А на пресс-конференции, сидя рядом со всеми культурными начальниками, демонстративно спал. За этим стоит очень много смыслов, у меня есть сочинение на эту тему — я пытался понять, что этим хотел сказать Кабаков, вернувшись на родину как бы во сне.

Есть ещё любопытная коллизия со сном, имеющая отношение к Хансу-Ульриху Обристу — он пытался во что бы то ни стало сократить время сна. Он стал осваивать метод, изобретённый Леонардо да ВИНЧИ: спать 15 минут каждые 3 часа. В такой системе можно жить, и, похоже, он в ней действительно живёт до сих пор, но власть в неё очень сложно. Будильники не помогали, и пришлось купить казарменную сирену «вuuuuuuuu» (издаёт звук сирены — прим.). В какой-то момент он уехал из Парижа, но забыл выключить сирену, и она стала будить весь квартал каждые три часа. Кончилось тем, что владелец дома взломал дверь и вошёл. Ко всему прочему, он увидел, что квартира завалена каталогами, материалами, слайдами работ художников, от входа шла тропинка на кух-

На недавней Музейной ночи, ставшей уже 29-й по счёту и посвящённой «Разговорам за полночь», состоялся разговор-перформанс арт-директора Музейного центра Сергея КОВАЛЕВСКОГО с куратором Виктором МИЗИАНО и художником Виктором САЧИВКО. Разговоры здесь стали и процессом, и целью. Сидя «на обрыве» в атриум из Красных залов музея, посвящённых революции, и глядя с высоты в глаза людей, выдающиеся люди искусства пытались заглянуть в будущее и обратиться к сообществу с тем, что чувствуют и о чём думают прямо сейчас.

ню, в туалет и к постели. После этого Ханса-Ульриха с архивом и сиреной выгнали из этого дома.

Этот курьёз я вспомнил в связи с тем, что желание сократить время сна и выиграть время бодрствования очень симптоматично. Мы живём в эпоху, когда современное человечество, постиндустриальная современность больших городов, оторванных от естественных циклов, одержимы отказом от сна. Москва хвалится тем, что это город, который функционирует и днём, и ночью. Это эпоха, которая хочет подчинить производственной логике всё, даже базовые, естественные для человека вещи, даже потребности во сне.

С.К. Кстати, мы сидим в «окне революции», и за нашей спиной экспозиция бывшего музея Ленина, которая посвящена как раз самым радикальным изменениям столетней давности. Как мы помним, большевики не знали преград в своих проектах и мечтах — у них один из проектов, который Константин МЕЛЬНИКОВ даже пытался реализовать, это «Фабрика сна». Они переводили на технологические и индустриальные рельсы даже сокровенную функцию человека. В каком-то смысле это тоже знак современности.

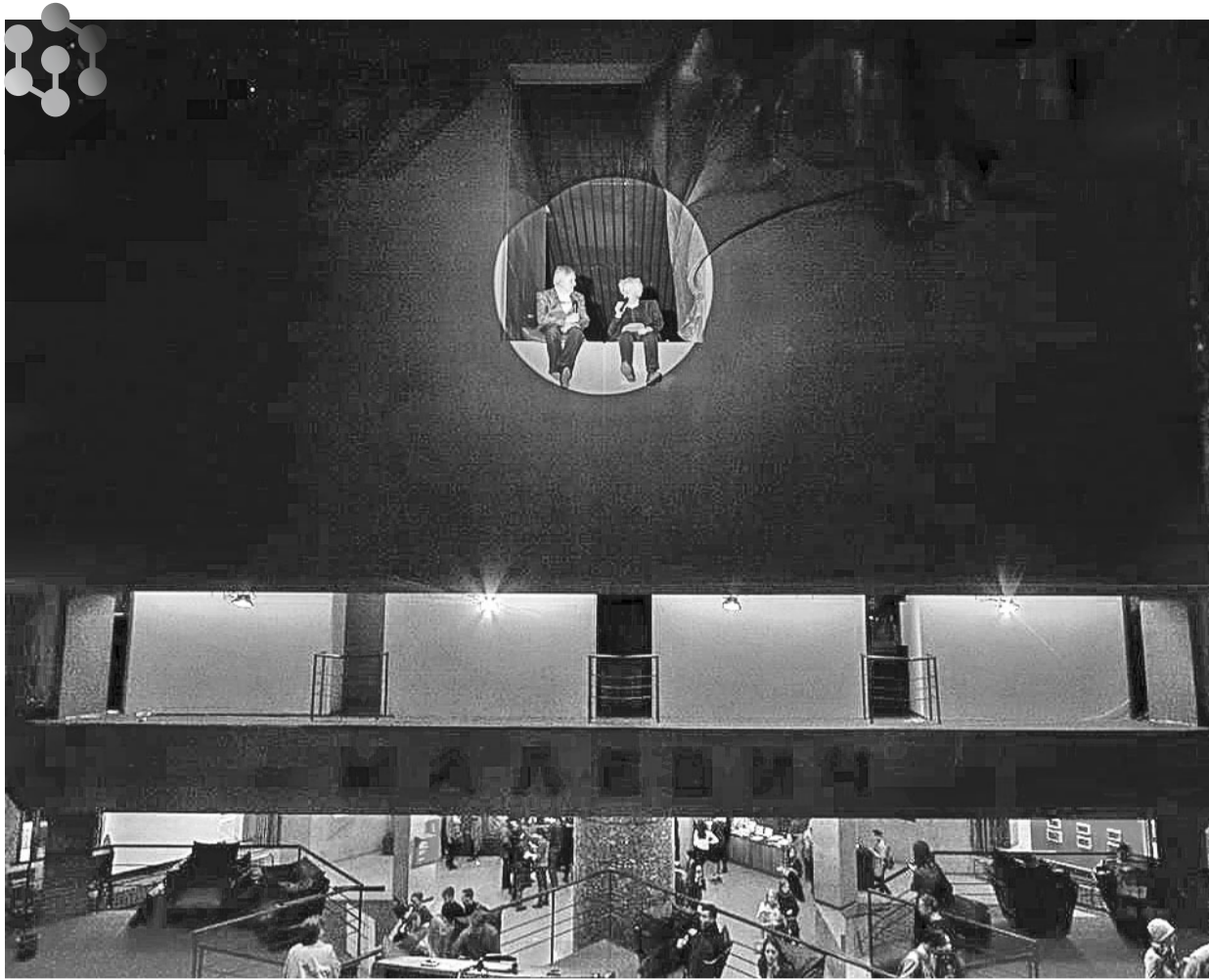
В.М. Речь идёт уже не о революции социальной и не о революции политической. Современность выхватывает из революционного наследия идею революции антропологической.

С.К. И тут нужно сказать, что Виктор Мизиано не просто гость этого события, но и партнёр будущего проекта. 2017 год — год столетия русской революции. А мы находимся в 13-м филиале музея Ленина, фрагмент которого — у нас за спиной. И мы говорим, чувствуя давление, дыхание этой экспозиции. Следующий год — вызов для этого здания, который будет праздновать свое 30-летие, и это год Красноярской биеннале, важное событие для музея, города и края.

И ещё мы говорим, что Красноярская биеннале — старейшая в России. Первая произошла в 1995 году, и только через 10 лет проснулись в Москве, в городе, в котором никто не спит.

Виктор Мизиано озадачен нами основным проектом следующей Красноярской биеннале. Что уже сейчас видно из этого «окна возможностей», какой момент в этом сюжете был бы тебе интересен?

В.М. Сюжетов может быть очень, очень, очень много. В последнее время мы, с одной стороны, всё время слышим, что эпоха как бы возвращается, её пытаются вернуть. Причём мы понимаем, насколько то, что реанимируют, не похоже на то, что было, оно связано с другими смыслами. Но, с другой стороны, мы понимаем, что сам факт возвращения чего бы там ни было есть красноречивое подтверждение, что это ушло и кануло в прошлое.



Виктор Мизиано: «Первое моё впечатление, и на настоящий момент самое определённое, то, что Красноярский музейный центр — это очень хорошая архитектура, необычайно выразительная. Может быть, потому, что музей создавался с осознанием, что здесь нет ни одного подлинника, ставка была на то, что единственным подлинным произведением был бы сам музей.

Эта сложная диалектика выпала на долю нашего поколения, которое родилось тогда и проживает день сегодняшний. Это важный опыт, который хотелось бы зафиксировать, выразить, как-то определить, предъявить, осмыслить и обсудить. Как с теми, кто прожил с нами эти годы или даже дольше нас, как и с теми, кто в этом прошлом никогда не жил. Это один из возможных подходов.

С.К. Мы находимся в музее, который был построен как виртуальный мощный комбинат, машина производства смыслов. Филиал был 13-м по счёту, поэтому даже в большом Советском Союзе уже не хватало экспонатов, связанных с героем. Тут не было подлинников. У тебя есть какие-то мысли о продолжении тренда вот этой виртуальности, которой здесь всё пропитано: стены, экспозиции? В каком-то смысле современное искусство, которое легко здесь поселилось, свидетельство этим культурным моделям и парадигмам.

В.М. Ты знаешь, когда ты начал разворачивать этот вопрос, я вспомнил Андре МАЛЬРО — это замечательный французский писатель, большой знаток искусства. Он при ДЕ ГОЛЛЕ в послевоенной Франции стал министром культуры и совершил невероятные яркие, кураторские инновации. У него была идея фикс, «Воображаемый музей», про то, что подлинники будут заменены копиями. Разумеется, компьютер тогда ещё не существовал, он опирался в первую очередь на фотографии. Среди его министерских решений было создание виртуальных музеев по всей Франции, где действительно разные шедевры прошлого выставлялись в виде фотографических цветных репродукций. При этом он был коллекционером и знатоком подлинности, в частности, отсидел в тюрьме, поскольку вывозил из Индокитая подлинники незаконным образом. Это очень интересная диалектика в личности этого человека.

Я вспомнил биографию Мальро потому, что этот музей в очень большой степени, неосознанно, но апеллировал к его идеям. Здесь не было ни одного подлинника, но музей доносил до посетителя некие идеи (не хочется говорить «идеологию», это неправильное в данном случае слово). Некие смыслы. Через тени, визуально правдоподобные аналоги неких свидетельств, которые работали на риторику этих идей.

Мы сидим и смотрим вниз и видим молодых посетителей музея. В самом начале нашего разговора ты спросил меня, какие у меня впечатления от Красноярска и музея. Первое моё впечатление, и на настоящий момент самое определённое, то, что это очень хорошая архитектура, необычайно выразительная. Может быть, потому, что музей создавался с осознанием, что здесь нет ни одного подлинника, ставка была на то, что единственным подлинным произведением был бы сам музей.

С.К. Пространство и архитектура.

В.М. Известно, что армяно-григорианская церковь — иконостасная, она не признаёт изображения. Может, поэтому армянские храмы столь безупречно красивые как архитектурные произведения.

С.К. И мы заканчиваем тем, что автор этого музея Арэг Саркисович ДЕМИРХАНОВ имеет армянские корни.

«Могу в вас бросить микрофон»

С.К. Я вручаю микрофон второму гостю. Рядом со мной Виктор Сачивко, постоянные посетители видели очень много работ этого художника, который — не побоюсь этого слова — один из самых редких по разнообразию живописных, графических, скульптурных, инсталляционных, видеоипостасей в России. Перед нами — мыслящий художник, он мыслит в самой плоти и материале искусства.

Наше музейное пространство необычно, мы вас (*посетителей — прим.*) вообще не видим, поскольку нас слепит прожектор, чтобы вы нас видели. Хотелось бы уже с художником поговорить — что он видит в этом окне? Хотя на самом деле мы ничего не видим, но художник отличается от всех людей тем, что у него есть какой-то третий, четвёртый, пятый глаз.

Виктор Сачивко: Я вижу горящий свет, очень яркий. Чувствую себя локомотивом — это очень опасно, сидя на краю пропасти.

С.К. Перейдём к другой работе — «Красный угол», это такое интенсивное красное цветовое пятно, с одной стороны абстрактное, с другой стороны представляет портреты Владимира Ильича Ленина в самых разных ситуациях. Хотелось бы расспросить художника, который предвзято или завершает эту экспозицию, что им двигало.

В.С. Для меня до сих пор важна вся эта тема. Дело в том, что я по возрасту отношусь к тому поколению, которое воспитывали в известных традициях, конспектировал труды Ленина. Помню, как с большим удовольствием конспектировал его труд «Империализм как особая стадия капитализма», где он в пух и прах разносил современных ему эмпириокритиков. Все, кого он критиковал, производили на меня хорошее впечатление. Я пытался это как-то понять, но без расшифровки образа Владимира Ильича это не получалось. Меня не устраивал его образ — его можно было встретить везде, но это был образ скованный, сдержанный.

Меня интересовал вопрос, почему никто не мог от души нарисовать, вылепить, снять кино? Тогда были первые подвижки в сторону расшифровки этого загадочного обитателя своего собственного имени мавзолея.

Но это было неполно, вопрос висел в воздухе, и я решил все накопленные негативные ощущения, позитивные, догадки выложить в композицию.

Мозг вождя, как известно, почил в состоянии, в котором одно полушарие было совершенно мёртвым. Это мне подсказало идею неравномерной экспозиции: одна часть и вторая находились бы в резком диссонансе, антогонизме.

Нужно было делать не оценочную работу, а просто пройти по биографии большого, умного, великого деятеля, в меру своих возможностей посмотреть на то, что обычно бывает с семейным архивом. Обычные, заурядные фотографии чело-

века в разные периоды жизни. Поскольку он жил в период, когда кино- и фотодокументации было ещё не слишком много, материал был вполне охватываемый. В итоге получилось 64 картинки, нарисованные на красных панелях.

С.К. Может быть, скажешь несколько слов о своей мегаинсталляции на Красноярской книжной ярмарке. Что там решалась за задача в этом странном облаке изображений, в котором, честно говоря, я ни одного слова не нашёл, а называется всё это алфавитом.

В.С. Он называется «Проект в алфавите». Инсталляция лежит в блоке всех моих больших выставок, пространственных сред, которые я устраивал. Проект на КРЯКК лежит в области ненаписанных романов. Там есть 8 историй, в отношении которых можно рассказывать, а если добавить фантазию, то и написать. Больше это связано со сновидением, фантазийным пребыванием человека в тексте, который не помнит начало книжки, не знает, чем она кончится, но увлечён самой фабулой, самим текстом, пребывает в азарте чтения.

С.К. Кстати, о книжке. Ты являешься тем человеком, который в эпоху моей совершенно не бурной молодости дал почитать книжку СЭ-ЛИНДЖЕРА «Над пропастью во ржи», о которой я ничего не знал. А ты уже знал и дал мне, я тебе был очень благодарен, поскольку на меня эта книжка произвела какое-то важное, существенное эмоциональное впечатление.

Как выяснилось потом, не только на меня, целое поколение во второй половине XX века бредило этой книгой, надеюсь, бредят и сейчас. Но если честно, я совершенно забыл, про что эта книга, расскажи мне сейчас в двух словах — что там за пропасть, что там за рожь?

В.С. Я помню её и обложку помню — там картина УАЙЕТА, мальчик на крыльце где-то на Среднем Западе. Но лучше я расскажу о другом — у Сэлинджера есть другая вещь, «Выше стропила, плотники», более взрослая. Там та же самая сюжетико-тематика: одиночество молодого человека, его рассогласованность с буржуазным миром, родителями, лирический протест против этого, монолог, посвящённый массе пустяков и докучливых раздражителей, за которыми открывается неумолимый рок, облекающий современного человека на обыденность, обыкновенность и пошлость. Шапки, которые он надевает, отношение с любовью к маленьким детям, которые нестандартно себя ведут, — там рассыпаны жемчуга.

...Этот проект «Музейная ночь» — гораздо более человечный, чем известные сюжеты с жёсткой схемой организации, чётким официозом и предписаниями. Глядя сверху, если немного прищуриться, можно увидеть каждого. Кто думает про меня плохое — я могу его увидеть и бросить в него микрофон. Или спрыгнуть.

С.К. Это преимущество вида сверху — это взгляд художника.

Текст _Юрий ПУШКАРЁВ

«Проблема нашего образования в том, что нет никакой разницы — получил человек диплом или пришёл с улицы. Мы сейчас пытаемся развивать рынок сложной компьютерной графики, и нам приходится самим искать людей, их обучать, а образовательное поле абсолютно нулевое».



Как зарождается индустрия

Интересно, что 10-20 лет назад производством видеорекламы занимались сами телеканалы, не только из-за удобства (сами сняли, сами разместили в своей же эфирной сетке), но и в силу немыслимой для мелкого бизнеса стоимости аппаратуры. Но в какой-то момент телевидение отстало от хода прогресса: вещание по-прежнему ведётся по стандартам прошлого века, а полупрофессиональная съёмочная техника стала доступна практически каждому. С одной стороны, такое положение дел привело к тому, что снять рекламу перестало быть проблемой, но с другой, теперь за имидж компании в глазах потребителей отвечают дилетанты — отсюда такое количество примитивной, скучной и раздражающей рекламы на местном ТВ.

О том, как зарождается целая индустрия, с какими сложностями сталкиваются профессиональные производители видео, мы решили поговорить с креативным директором киностудии Brave film Игорем ШПЕХТОМ. Это его компания снимает рекламу для строителей «СМ.Сити», разрабатывает 3D-анимацию для производителей нанотрубок OCSiAl и делает презентационные фильмы для золотодобывающей компании «Полюс Золото».

— Игорь, давай начнём с самого общего, а значит, фундаментального вопроса: как в Красноярске обстоят дела с коммерческим видеопроизводством?

— Плохо. Например, год назад у нас было четкое понимание того, что мы можем брать подрядные заказы для Европы. Со Штатами сложно работать из-за часовых поясов, но с Европой вполне реально. И мы понимали, что качество уже выдаём европейского уровня — дело только за скоростью и объёмами работ. А для этого нужно постоянно вкладывать деньги в технику: мощнейшие компьютеры, огромные хранилища. Но тут происходит скачок доллара — всё подорожало резко и в два раза, а зарабатывать мы больше не стали. Плюс европейские заказчики стали отвечать отказами, мол, с вами, ненадёжными русскими, не хотим сотрудничать.

К тому же специалистов никто не учит, все развиваются самостоятельно, кое-как: свадьбы, банкеты. И вот такие люди приходят в коммерческий видеопродакшен, берут на себя ответственность за то, как будет выглядеть бренд в глазах целевой аудитории. Такого же не должно быть! Должен быть базис, понимание правил построения композиции, линии съёмки, правило золотого сечения, я уж не говорю про колористику, постановку света.

Я осознаю, что наш уровень компетенции в области рекламного видео не позволяет взяться за съёмки ролика для мирового бренда. Но на красноярском рынке мы объективно на высоком уровне. Чтобы выйти дальше, у нас есть знания, но нет материально-технических возможностей. Нигде в мире нет больших продакшен-студий, которые держат у себя профессиональные кинокамеры за десятки тысяч долларов. Потому что уже сегодня ты купил современную цифровую камеру, а завтра выйдет камера ещё лучше.

Проще и правильнее брать оборудование в аренду. Но на весь город Красноярск существует только одна цифровая кинокамера RED. Это позор и ужас! У нас практики аренды нет, потому что не существует состоявшейся области индустрии коммерческого видеопроизводства, она только-только зарождается силами отдельных энтузиастов, образование которых — это Интернет.

— Скорее всего, и у тебя нет профильного образования.

— Я заканчивал техникум по специальности, которую уже даже и не вспомню: что-то вроде «Электронные сети и вычислительная техника». Постепенно меня заинтересовало телевидение, на втором курсе я стажировался на «Приме», на третьем курсе я уже там полноценно работал режиссёром монтажа и прямого эфира. И к тому времени я понял, что высшего образования в интересующей меня области всё равно получить в Красноярске нельзя, а любое другое не даст абсолютно ничего полезного.

Видеопродакшен — слово настолько новое для России, что его ещё нет в словарях. Однако суть, хотя бы смутно, понятна. В широком смысле видеопродакшен — это целая индустрия производства видео: коммерческого, рекламного, корпоративного или документального. Да, оказывается, в Красноярске тоже снимают настоящую рекламу — с актёрами, декорациями и даже компьютерной графикой. И местные крупные компании ищут партнёров по всему миру с помощью презентационных фильмов; рестораны выкладывают в Instagram короткие ролики о новинках меню — и т.д.

В нашей сфере нужны только желание расти, развиваться и опыт. У меня в компании из 18 человек нет ни одного специалиста, который бы заканчивал хотя бы приближённый к профилю работы факультет.

Например, у нас работает девушка, которая рисует анимационные ролики. Она заканчивала обычную художку, но когда-то заинтересовалась компьютерными технологиями: рисовала какие-то мелочи. Я однажды увидел её работу, написал ей, а через месяц она у нас уже получила ставку. Конечно, она пришла с минимальными навыками, я ей показал одну программу, другую. То есть, по сути, мы тем же самым образованием занимаемся, когда готовим сами себе специалиста.

Но найти даже одного такого заинтересованного делом человека из огромной массы ничем не интересующихся людей очень сложно. А заинтересовывать и показывать широту спектра возможностей должен университет.

— У нас земля богата полезными ископаемыми — вот и есть целый нефтегазовый институт, институт цветных металлов. Будет заказ в сфере видеопроизводства — появится и кинофакультет. Хотя в Екатеринбурге нет кинофакультета, а индустрия видеорекламы развита хорошо.

— Екатеринбург — крупнейший город России (численность населения ок. 1 500 000 человек — прим. ред.). К тому же чем ближе к Москве, тем больше товарооборот, увеличивается доля рекламного бизнеса — растёт качество производства. Но наше образование не подстраивается под рынок. А ры-



нок очень нуждается в специалистах, приходится искать людей со стороны, их обучать, тратить на это время и деньги. Проблема нашего образования в том, что нет никакой разницы — получил человек диплом или пришел с улицы. Мы сейчас пытаемся развивать рынок сложной компьютерной графики, и нам приходится самим искать людей, их обучать.

Я могу сказать, что продакшены, студии компьютерной графики каждый день выдают вакансии режиссёра, оператора, VFX-артиста (*художника компьютерных спецэффектов. — прим. ред.*), пусть даже без опыта, лишь бы были минимальные основы и понимание профессии. И это вакансии с зарплатой 100-200 тысяч рублей. Но соискателей почти не существует. Их никто не обучает. И получается, что мы кого-то научили, дали основы, он уезжает в Москву, а оттуда через несколько лет его с удовольствием забирают западные компании. В частности, Канада сейчас даёт льготы и привилегии для таких специалистов. Даже Brave film готова обеспечить рабочими местами довольно большое количество людей. Но у нас выпускается кто угодно, только не специалисты по компьютерной графике, не режиссёры и не операторы.

— Не выпускается, потому что некому обучать?

— Нужен хороший образовательный фундамент, чтобы молодые люди имели представление о реалиях их будущей профессии. Тогда они с ранних лет уже станут создавать маленькие студии, аккумулировать вокруг себя среду, возвращать специалистов, конкурировать и повышать качество продукта. Я даже не говорю про то, чтобы мотивировать студентов заниматься именно кино. Я говорю про образовательную модель, которая заинтересовывает. Пусть один увлечётся гончарным делом, другой вдруг осознаёт себя строителем, а третий обнаружит интерес к компьютерной графике. Но для этого нужно привлекать специалистов от действующего рынка. Даже у нас в городе рассказать и про режиссуру, и про съёмку, монтаж или колористику может, например, Юра ХМЕЛЬНИЦКИЙ (*основатель красноярской видеостудии V-emotion. — прим. ред.*). Да, он молодой, но он преуспел в этом плане больше, чем все остальные. И таких людей из разных областей у нас довольно много.

Если говорить о нашей студии, то мы приезжали на «Каменку», рассказывали о том, что такое компьютерная графика, попытались заинтересовать и мотивировать аудиторию, предлагали стажировку, готовы были сами доплачивать — лишь бы обучить себе хотя бы одного сотрудника. В итоге из 20 молодых человек так никто и не откликнулся.

Выпускники факультетов рекламы думают, что уже сейчас они начнут разрабатывать компании для титанов вроде P&G. Но это далеко не так. В первую очередь это обычная работа — со своей рутинной, сверхурочными. А они мечтали о другом, в институте их не готовили к такому. Так же и с теми, кто вроде даже и знает, что такое визуальные эффекты, компьютерная графика, но думают, что с первого дня начнут рисовать эффекты для «Звёздных войн». А так не бывает.

— Может, дело в том, что ожидания молодых людей, выпускников любых факультетов, изначально завышены: они поступали в престижный вуз, учились 5 лет, зачастую платно, а теперь работодатель им предлагает испытательный срок, а потом ещё оказывается, что дипломированный специалист снова становится учеником и чувствует себя слепым котёнком?

— Им пишут в дипломе «Специалист по рекламе». А нет такой профессии. Ты либо креативный директор, либо арт-директор, но сначала, скорее всего, просто копирайтер. А это адский труд. И в этом смысле главный «косяк» образования — отсутствие практики. У нас преподаватели в большинстве своём могут пересказать книжку, а вот практики, интересных примеров, кейсов — ноль. Поэтому студент вообще не вполне понимает, чем он занимается на учёбе. Нет конкретики, чтобы заинтересовать человека. В рекламе это называется «зацепить» нужную аудиторию. А у нас образовательные модели разработаны для большинства, для масс. То есть настолько размыты, что никому не интересны.

— На YouTube есть большой пласт довольно популярных, судя по просмотрам, роликов — backstage, behind the scene, how it made, — открывающих закулисы видеопроизводства. На официальном канале «Игры престолов» стабильно появляются видео со съёмочных площадок, где актёр обвешан датчиками, машет специальной палкой, а потом показано, как с помощью компьютерной графики актёру подрисовывается

костюм, вокруг него появляются компьютерные враги. Меня впечатлило главным образом то, что сегодня в большом кино никто уже не снимает, например, живых лошадей. Потому что заставить животное бежать с определённой скоростью, по нужной траектории, а потом ещё красиво упасть, да чтобы всадник упал в нужное место кадра, гораздо сложнее, чем нарисовать полностью всю сцену на компьютере. И вот продюсеры хоть грандиозных проектов, хоть авторских фильмов, документальных 5-минуток — не стесняются и не боятся выкладывать такие «разоблачающие» видео в сеть. Но почти нет примеров подобных видео с российских съёмочных площадок.

— Тут два фактора. У нас есть потребность в производстве кино, госфильмофонд выделяет миллионы, но зачастую графику делают индусы или китайцы. И не только потому, что там дешевле, но и потому, что там быстрее и качественнее. Поэтому «закадровых» материалов на русском языке мы почти не видим, а на английском — полно.

И второй фактор. Наша индустрия ещё не доросла до того, чтобы делиться «внутренней» информацией. Считается, что если показать, как был сделан спецэффект или как был снят какой-то киноэпизод, сразу появится какая-то контора, которая повторит наш успех. Хотя на самом деле логика здесь должна быть такой: если вы настолько круты, что можете повторить нашу технику и технологию — валяйте! Мы в это время уже шагнём дальше.

— В СФУ есть такая практика: периодически приезжают безусловно известные профессионалы федерального масштаба из разных областей и просто общаются со студентами обо всём.

— Круто, конечно, приглашать больших звёзд, но они, я подозреваю, не бесплатно эти лекции дают. К тому же есть местные специалисты, без опыта которых нельзя подняться выше.

«

Вообще, важно понимать, что по карьерной лестнице нужно не прыгать, а планомерно подниматься вверх: ступенька за ступенькой. Всё равно никто из выпускников любых факультетов не окажется в Москве, например, сразу после диплома. Все попадут к нам, местным компаниям. Поэтому в наших же интересах делиться опытом, готовить себе кадры.

Да, у нас меркантильный интерес. Чтобы зарабатывать больше, нам нужно больше сотрудников. Когда люди читают в газете, что на создание фильма ушло столько-то миллионов долларов, сразу думают: «Ну, понятно, этому актёру миллион, другому два, режиссёру три...». В действительности же дело не в заоблачных гонорах, а в количестве людей, задействованных в производстве фильма — их сотни! Титры на экране — это список людей, которые несколько месяцев, а то и лет тратили всё своё время, чтобы зрители пришли на два часа в кинотеатр. Наш труд недооценён, но мы понимаем, что так будет всегда.

— И красноярский рынок видеопродакшена тоже нуждается сейчас в этих сотнях людей?

— Да, пока это так. Пока индустрия испытывает огромную потребность в кадрах. Когда ко мне будут приходить десятки выпускников факультета компьютерной графики, я буду между ними выбирать, а пока что выбирать не приходится.

— Но это только про «цифровых художников» речь?

— У нас есть потребность и в режиссёре. Мы ищем человека пусть даже без опыта, лишь бы с огромным желанием развиваться и расти. У нас есть потребность вывести видеосъёмки на новый уровень, для этого нужны операторы, режиссёры, колористы. А их нет.

— Тогда давай немного подробнее о том, как вообще снимаются рекламные ролики?

— Обычно так: набросали сценарий, обсудили что-то поверхностно с режиссёром, некоторые ещё делают краткую раскадровку. Причём, даже если кто-то заказчику и предоставляет «сценарий», то правильнее это называть просто корот-

ким рассказом. А на самом деле сценарий нужно писать с полным описанием того, что происходит в кадре: какого цвета обои, какое выражение лиц актёров, за окном день или ночь. Есть чёткие схемы построения сценария, но кто-то в Красноярске этим заморачивается? Нет! Потому что лень!

— Потому что есть у тебя заказчик, который платит 20 000 рублей. За эти деньги ты же не будешь нанимать сценариста, режиссёра, рисовать раскадровку и применять компьютерную графику?

— Формула такая: когда ты делаешь продукт на 100 000, а тебе за него сегодня платят 20 000 — это значит, что уже завтра найдётся заказчик, который заплатит 100 000. Мы себя позиционируем как кинокомпанию, потому что создаём рекламные ролики и корпоративные фильмы со сложной компьютерной графикой и по стандартам кино.

Вот недавно мы снимали ролик, рекламирующий квартиры в новом микрорайоне. Нам нужна была комната с преобладающими в интерьере цветами — бирюзовым и оранжевым. Конечно, найти такой интерьер не удалось, поэтому мы построили павильон. Дальше мы в этот павильон приглашаем репетировать актёров, оператор выбирает нужные ракурсы, записывается черновой вариант ролика, и через пару дней снимаем чистовой вариант. Дальше идёт монтаж, иногда показываем несколько вариантов заказчику, согласовываем один из вариантов. И, наконец, финальная цветокоррекция. Вот такой долгий путь до 30-секундного ролика.

— И каждый этап оплачивается отдельно?

— У нас настолько незрелый рекламный рынок пока, что большинству заказчиков кажется, будто концепция и сценарий ролика не должны стоить денег. На Западе рекламные агентства начинают получать деньги по договору уже за идеи. Предложил несколько идей — получил гонорар. Не понравилась идея — заказчик идёт в другое агентство. Как только сценарист потратил время, придумал идею, описал её, предоставил заказчику вариант, он сделал свою работу, за которую должен получить зарплату. Но нашим законодательством это никак не регулируется.

К нам недавно пришли молочники и говорят: «Мы запускаем новый продукт, нужно снять несколько рекламных роликов». Я потратил своё время, встречался с их руководством, выяснял целевую аудиторию, написал несколько сценариев для рекламы. А они сказали: «Вы, Игорь, оказываетесь, участвовали в конкурсе, о котором мы никого не предупреждали, и вы не выиграли». Но я не удивлюсь, если ролик по моему сценарию скоро где-нибудь всплывёт.

У нас есть внутренняя идеология, по которой мы создаём ролики. Есть входящий бриф, который должен заполнить заказчик. Но это самое начало. Дальше мы пересаживаемся в кресло руководителя компании, чтобы понимать аудиторию, для кого и для чего это делается. И бывают случаи, когда мы говорим заказчику: вам не нужен видеоролик, вы не этого хотите.

— Рынок неразвит, экономическая ситуация нестабильна, профессионального образования нет, заказчики не готовы платить — не лучше ли найти себе более комфортный город, страну?

— Никаких географических ограничений в сфере компьютерной графики не существует. Фильмы давно уже создаются так: графика рисуется в Китае, накладывается на зелёный фон в Индии, а финальный результат собирается в Лос-Анджелесе. Мы можем стать звеном этой цепочки? Запросто.

Я уверен, что моя команда пригодится в любом месте с более приятным климатом, более комфортной экономической обстановкой и т.д. Но, скажем, если мы завтра откроемся в Москве, то мы станем одной из сотен студий. Если в Канаде — одной из тысячи. А здесь, в Красноярске, мы самые крутые, и нас это стимулирует расти дальше, становиться ещё круче.

Да, иногда приходится снимать просто ради портфолио, не зарабатывая, а иногда и вкладывая свои деньги в производство. Но таким образом ты покажешь заказчику на реальном примере, как может выглядеть дорогой ролик. И в следующий раз этот рекламодатель придёт к тебе снова, тогда ты уже и скажешь: придётся раскошелиться. И у заказчика не будет выбора, потому что он уже не сможет понизить свою планку.

Текст _ Александра МАРКЕВИЧ

Тяжёлый сон длинною в жизнь

История человеческой борьбы за жизнь после роковой аварии

Дмитрий БЫВАЛЬЦЕВ закончил факультет промышленного менеджмента СФУ, но ни одного дня не работал по профессии. Он защитил диплом и через несколько часов попал под колеса иномарки. Травмы были настолько сильными, что сознание парня отключилось на три недели, тело парализовало. Это случилось 9 лет назад. За эти годы сокурсники сделали карьеру, создали семьи, завели детей, развелись, уехали за границу, вернулись... Дмитрий получил другой опыт: он знает, каково это — родиться во второй раз, что такое вера в себя и почему инвалидов по-настоящему не существует.

— Вы задумывались, почему именно с вами произошла такая серьёзная авария?

— Много раз. Я вспоминаю, что накануне были события-знамения. Как-то зашёл в автобус, и незнакомая женщина перекрестила меня. Вроде бы ничего особенного, но остался неприятный осадок. Я вышел на следующей остановке, увидел храм, решил зайти, и уже внутри другая женщина сунула мне деньги. Это было странно, неприятно, я разозлился... А сейчас понимаю, что наверное, эти две верующие что-то почувствовали, что-то плохое витало надо мной в то время.

— Что же это было?

— Наверное, каждому человеку есть за что себя винить. Конечно, я был неидеальным. С детства увлечённый карате, призёр Европейских соревнований, чемпион России, моё имя напечатали в «Золотой книге лучших спортсменов Красноярского края». Это было здорово, я хотел поступить на факультет физической культуры, летал на стипендиальные в Москву, но провалился. Вернулся в Красноярск разочарованным, и вдруг всё стало безразлично.

Поступил в Институт цветных металлов и материаловедения СФУ. Учился на тройки, даже нравилось осознавать, что я не ботаник. Где было можно — халявил, прогуливал. Дрался и много гулял: была большая компания, как мне казалось, друзей. Накануне защиты диплома спрашивал себя — ну вот, закончишь, что дальше? Оказалось, больничная койка.

— Авария и 21 день комы, каково это?

— Не помню машины и как всё это произошло. Мозг отключился, и я очнулся только в больнице. Кома похожа на дурной сон, долгий и тяжёлый. Беспмятство, беспокойство. В фильмах рассказывают про свет в конце тоннеля, это уже штамп, я видел свет, но где-то наверху. Было что-то вроде видения: поднимаюсь по лестнице с иконой в руках. Когда смог передвигаться, купил себе эту икону из сна, это лик Николая Чудотворца.

— Удивительно!

— И это не выдумка. Три недели без сознания — это много. Отец и мать плакали и переживали, больше всего верила, что я выкарабкаюсь, моя старшая сестра. Я действительно проснулся, но не мог говорить, есть, поднимать руки, ноги — вся правая часть тела обездвижена. Воспоминания путались, в голове вертелись обрывки прошлой жизни. Не узнавал родных, не мог вспомнить имя мамы, обижался на сестру, что она не позвала меня на свадьбу, хотя свадьбы никакой не было, обвинял в чём-то небывалом своего друга. Потом, наоборот, хотел их успокоить, сказать, что всё хорошо, но не мог.

— А что врачи?

— Поставили первую группу инвалидности, мне вообще пророчили жизнь овоща. Отпустили домой. Это было тяжелое возвращение. Помню, как лежал в своей комнате, смотрел на кимоно,

оно на стенке висело. Не мог вспомнить, что это за одежда, злился, отворачивался.

— Помогала мама?

— Да, она была рядом, помню, что читала Омара ХАЙЯМА, всегда улыбалась. Папа пытался заниматься со мной гимнастикой. Он сам спортсмен, серьёзно занимался хоккеем и знал, что меня, опытного каратиста, на ноги сможет поставить только спорт. Уже в палату принёс штангу, думал, это меня вдохновит. Родители часто несут или краски, или музыкальные инструменты — в надежде увлечь, ведь больным после таких ЧП вообще жить не хочется. Я был сильным, здоровым, и вдруг в одночасье всё изменилось, так что не мог даже приподнять небольшой вес. В больнице, конечно, штангу я так и не поднял, даже не мог голову повернуть, чтобы посмотреть на неё, просто знал — она рядом.

— Когда началось возвращение к жизни?

— Оно шло неделями, месяцами, годами... Мне каждый день делали массаж, во время этого я учил цифры, со мной играли: заставляли умножать, делить. Сестра приходила показывала буквы: А, Б, В... Алфавит заново я узнал в 23 года. Мне казалось, быстро делаю успехи, как-то взял книгу, но не смог прочесть и строчки, оказалось, она вообще была перевернута вверх ногами, а я даже не понял. Был неприятный момент — набрал номер друзей, говорю, приезжайте за мной, едем гулять. Только мне казалось, что я говорю, на самом деле — пробормотал что-то нечленораздельное. Речь долго возвращалась. Друзья, кстати, не приехали. Их вообще стало меньше после произошедшего.

— Это обидно.

— Было, да, а потом я простил. Эти люди перестали меня интересовать, в моей жизни снова появился спорт. Папа отвёз меня в зал карате, о моих занятиях врачи не знали, они бы просто не позволили, но тренировки очень помогли. Я так и не мог заговорить, но постепенно начал делать упражнения, понимал, что спорт — единственное, в чём я уверен.

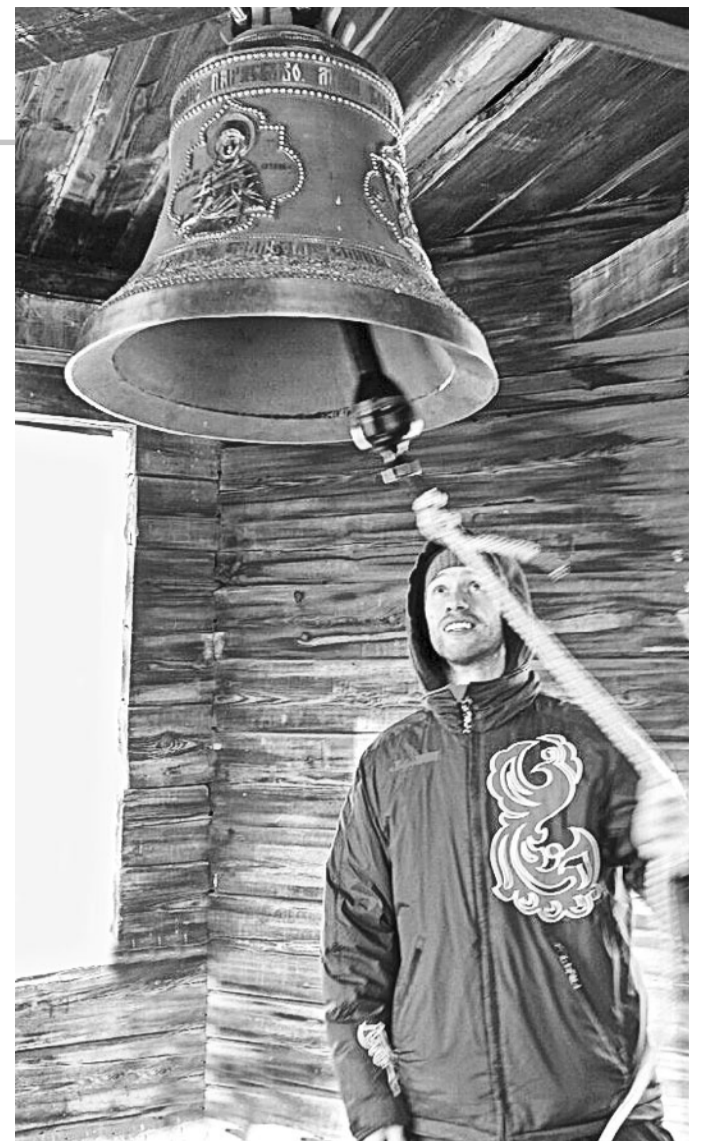
— Как на вас смотрели другие спортсмены?

— Называли красавчиком. Кивали мне. Я начал ставить рекорды, только совсем другие, не как раньше... Сначала не мог подтянуться ни разу, потом раз всё-таки получилось, потом получилось два раза. И это были настоящие победы. Уже было понятно, как жить дальше.

Нельзя сказать, что всё пошло как по маслу, случались обмороки, организм был слаб. Мы просто долго сражались, я и моя семья. Они очень много вложили сил, часто вывозили меня на природу в лес, чтобы я дышал, смотрел, наслаждался, а во дворе мы никогда не гуляли, избегая чужих взглядов. Постепенно опять стал ходить, разговаривать.

— Вы ведь даже пошли снова учиться?

— Да, несколько лет спустя, когда немного окреп, понял, что мне нужно другое образование,



чтобы хоть как-то себя применить. Тренировки сделали своё дело: с трудом, но я вернулся в форму. Всё, что я могу и умею — заниматься с другими карате, для этого нужна педагогическая специальность, поступил в магистратуру.

— Это, наверное, ещё одно испытание?

— Рубеж. Нас было 6 магистрантов, все мне говорили: «Давай, учись!», а я несколько раз хотел бросить: не мог решить контрольные, давило, что остальные быстрее усваивают материал, а я ещё не могу сообразить. Когда пропускал, одноклассники писали: «Быстро на учёбу!». Преподаватели поддержали, в итоге я написал диссертацию по вовлечению инвалидов в спорт и даже защитил её на пятёрку.

— Вы молодец! Это момент, когда всё вернулось на круги своя?

— Нет, этого не произошло. Всё очень изменилось. Понимаете, когда слышат мою неловкую речь, часто думают, что я выпил, начинаю задавать вопросы — ты что, пьяный, зачем явился? Так могут сказать в студенческой библиотеке, в магазине, в парикмахерской. Никто не думает, что со мной что-то произошло, легче ведь сразу обвинить.

Это парадокс. У каждого второго сейчас много каких-то проблем со здоровьем, тем не менее люди смотрят на меня искоса, называют инвалидом. Это очень обидное слово, а мне хочется рассказать, что диагноз как раз нужно ставить тем, у кого нет чуткости, понимания, которым проще повесить ярлык на человека. Я готов кричать, что инвалидов нет, есть люди с повышенными потребностями, и они заслуживают того, чтобы к ним по-человечески относились. Может быть, поэтому меня тянет в спортзал, там я могу много, чего не умеют другие, беру вес, знаю приёмы, как рыба в воде, не чувствую увечий.

— Какой главный урок, на ваш взгляд, преподнесла вам жизнь?

— Ценить каждый день, я только сейчас понял, как это важно. Я женат, очень люблю супругу, родителей своих и её, сестру. Благодарен за этих людей Богу.

— Осталась пара недель до Нового года, это время, когда подводят итоги и строят планы на будущее...

— В будущем я бы хотел реализоваться, моя борьба продолжается. Жена есть, но когда будет ребёнок, что я смогу ему дать? Мне трудно работать. Я вёл физкультурный факультатив в школе, в месяц платили две тысячи рублей. Вроде бы и образование теперь профильное, но работодатели не выстраиваются в очередь. Хотел бы найти зал, открыть секцию. А в остальном — живу, радуюсь, продолжаю лечение и читаю.

— Что сейчас не даёт опустить руки?

— А сейчас-то что опускать? Всё хорошо, надо дойти до финиша, а то когда середина дистанции — я так не люблю. ▲